

Новая книга

«ОТКРЫВАЮ ВАМ ДУШУ СВОЮ...»

...Главной характерной чертой творчества (и личности) Тариела Цхварадзе можно назвать искренность. Рано умершего брата, Виктора Цхварадзе, Тариел по сей день считает «поэтом от Бога», а себя – лишь «принявшим эстафету по велению свыше». И действительно, Тариел пишет всего три года, а до того, чтобы прокормить семью и близких, ему, беженцу из Абхазии, уроженцу Ткварчели, довелось немало поколесить по свету в поисках заработка. Открывал свой бизнес в Египте, в Москве, наездился на «американских горках», любезно предложенных судьбой нашему поколению, брошенному на выживание...

И всё это вдруг стало выливаться в поэтические строки. Разумеется, зачастую неумело обработанные, но, что удивительно, в этой не всегда гладкой и гармонично инкрустированной поэтической ткани далеко нередки очень удачные, с художественной точки зрения, узоры. Не случайно Тариел Цхварадзе получил рекомендации профессионалов в Союз писателей Грузии.

«Мост» – третий по счёту и последний по времени сборник Тариела Цхварадзе. Ранее выходили «Сердцебиение» и «На краю». Однако именно «Мост» наиболее полно отражает все ипостаси мировоззрения и творческих интересов батумского поэта. Открывает сбор-

ник раздел патриотической лирики «Храни Бог Грузию!». Далее – «Зарубки на память», из области воспоминаний о прожитом и пережитом. Следом – философская лирика, представленная в разделе «В лабиринте мыслей». Политическое безумие в грузино-российских отношениях находит отзвук в разделе с оптимистичным названием «Неразрушенный мост». А любовные коллизии богатой на события биографии поэта – в разделе «Я любил, меня любили». Стихи-молитвы читатель найдёт в разделе «С именем Его», дни и месяцы отчаяния отображены в разделе «Безнадёжное время», а завершают книгу большей частью живые, живописные «Зарисовки» и лёгкие (но не легковесные) стихи из раздела «Несерьёзно о серьёзном».

«Тариел Цхварадзе русскоязычный, но при этом истинно грузинский поэт. В его стихах проступает душа настоящего патриота, стремящегося своим творчеством внести вклад в сближение двух народов, в восстановление добрососедских отношений между Россией и Грузией», – пишет поэт и переводчик Георгий Кебурия.

Член Союза писателей России Леонид Андрианов еще более обстоятельно характеризует особенности творчества Цхварадзе:

«Читая книгу стихов Тариела Цхварадзе, написавшего её на русском языке, я вижу, как автор славит свою родину, болеет за неё и свой народ всей душой. Колоритные пейзажи, грузинские обычаи, щедрое застолье находят своё отражение в стихах. Большое место в книге отведено тяжёлым размышлениям о взаимоотношениях России и Грузии. В то время, когда дипломатические отношения между нашими странами разорваны, и они де-факто и де-юре находятся в состоянии войны друг с другом, закономерно услышать из его уст хулу на «врага», на русских. И каково же будет удивление читателя, когда он убедится, что автор не только не озло-

бился, но упорно старается возвести мост дружбы и доверия между простыми людьми. Он понимает, что в нынешней ситуации не виноваты наши народы – кому-то выгодно нас разделить, кому-то нужно повязать нас кровью и рассорить на века.

Тариел Цхварадзе, грузин, попросил меня – русского поэта, посмотреть перед отправкой в издательство его книгу. И вот я сижу над ней уже много дней, читаю и понимаю – а ведь наши народы врагами не стали. Бог свидетель, он и сегодня зовет меня в Батуми со всем своим грузинским хлебосольством...

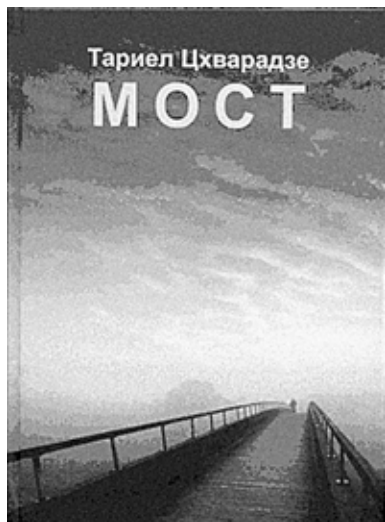
Ну да отложим политику и поговорим о поэзии. Поэт пишет хорошим русским языком, легко справляется с любым сюжетом, где присутствует и любовное чувство, и искромётный юмор, и ненависть к врагам, и любовь к друзьям. Его творчество привлекает тем, что, рассуждая о сложнейших проблемах современности, об отношениях среди людей, об их месте в современном мире, он находит и применяет простые, доступные каждому читателю слова...».

Без сомнения, относятся эти строки не к «проходным» стихам, которых, по правде говоря, немало в сборнике. А к таким замечательным метафорам, как «мозг-мясорубка крутит фарш... стихотворенья». Или:

*Приласкал однажды Бог,
Одарив талантом,
Пробежалась между строк
Муза на пуантах...*

И хочется верить, что все мы, читающие эти строки, дождёмся вместе с поэтом дня, когда Грузия вновь будет – ... «то место райское, край, который виделся во сне, разрисованный цветными красками, пахнущий сиренью по весне».

Владимир САРИШВИЛИ
(газета «Аргументы и факты» .
17 апреля 2012г.)

Таризл ЦХВАРАДЗЕ

* * *

Виктору Цхварадзе

Душа его, как лидер гонки,
перемахнув через забор,
скользит по краешку воронки,
чертя бессмысленный узор.
Я видел жизнь и смерть поэта,
он в стены бился головой,
а песня лучшая не спета,
не уходи, мой брат, стой!
Но он ушел, поставив точку,
за тот последний поворот,
а я долблю на камне строчку –
рождения год и смерти год.

* * *

Ни тропинки, ни дорог,
бесконечность поля,
перепёлка из-под ног,
вздогнешь поневоле.
От крыла лишь ветерок,
эка недотрога!
Не успел спустить курок,
ну, и слава Богу.
Улетела на восток –
получив отсрочку,
я же дал себе зарок –
не стрелять! И точка.

* * *

Алексею Цветкову

И год прошел, и снова вместе,
в субтропиках зацвёл миндаль.
Мы чачу пили в этом месте,
не помнишь? Очень, очень жаль.
А, впрочем, это и не важно,
ну, что ж, пожалуй, наливай.
И из бутылочки «Боржоми»
(а по-другому здесь нельзя),
дабы не понял посторонний,
польется чача, как слеза!
«Natur product», – в Нью-Йорке
скажут,
чистейшая, добавлю я,
такую там у вас в продаже
с огнём не отыскать, друзья!
Пошла, пошла – сначала жёстко,
немного горло обожгла,
закашлялся – глоток неловкий,
и после первой унесло.
И веселее вдруг, и легче,
и сразу как-то подобрел,
и дружба вроде бы всё крепче,
и нам уж вовсе не до дел...
Я рад, срослось – мы снова вместе,
Крепчает, ширится наш круг,
И так лет сто – на том же месте,
А что, а может быть, а вдруг?!

* * *

Он протянул с улыбкой руку –
скала, гранит – не человек,
такие вот, сроднившись с вьюгой,
в горах живут из века в век.
Рука большая, как лопата,
Ладонь, что сточенный наждак,
и тяжелее, чем кувалда,
его крупнейший кулак.
Глаза чисты, как у ребёнка,
но в то же время и мудры,
а каждый шаг – в снегу воронка –
иду за ним через дворы.
Дом крепкий, как и сам хозяин,
очаг горит, трещит огонь,
и слышно, как из-за окраин
заржал тревожно чей-то конь.
Принёс из погреба бутылку,
жена закуски нам на стол –
борано, хлеб, каймака крынку,
из бочки острый разносол.
И сердцу сразу стало мило,
и больше в город не спешу...
Давно, давно всё это было,
сегодня вспомнил и пишу.

* * *

Затянулся – бросил сигарету
и окурок втёр ботинком в грязь.
На попутке ночью прочь уеду
к чёрту на рога – перекрестясь.
Неизвестно, что там будет дальше,
но рискну – судьба дарует шанс,
чтобы позабыть, как мучил раньше
безнадёжно-грустный декаданс.
Встрепенусь, попробую сначала
проложить к своей удаче путь.
Сердце вновь в надежде застучало
и готово вслед за мной рвануть.
К переменам в жизни, к счастью,
свету
через не могу, но всё ж дойду.
Принимай, дружище, эстафету,
в добрый путь – найди свою звезду!

* * *

Не знаю, что это – везенье
или превратности судьбы,
необъяснимое прозреньё
иль результаты ворожбы?
Заранее о многом знаю,
почти звериное чутьё,
идя над пропастью по краю,
не разобьюсь, упав в неё.
А если надо сделать ставку,
не ошибусь, судьбу клая,
внoshу все нужные поправки
в процесс капризный бытия.
Когда кругом всеобщий хаос
И, вроде, рушатся мечты,

закономерная случайность
меня ведёт из темноты.
Теряет кто-то миллионы,
а я копейку сохранил,
у тех закончились патроны,
а у меня – ещё один.

На шаг всегда опережаю
событий неизвестных бег,
за поворотом будет, знаю,
в конце туннеля снова свет.
И хорошо, и, слава Богу,
судьба моя в Его руках,
я по указанной дороге
иду с молитвой на устах!

* * *

Укажите в небо тропинку,
да такую, чтоб точно в рай,
три глотка вина из бутылки –
и рискну шагнуть через край.
Если вечная жизнь на небе,
то зачем здесь лямку тянуть?
Отыскать в лабиринте мне бы
этим утром к Господу путь.
Но стойте, не дано нам права
выбирать свой последний час,
это дьявольская отравка
в пропасть снова толкает нас...

* * *

Двадцать первый век в двадцатый
Ввинчен, словно в гайку болт,
он такой же бесноватый,
а должно б наоборот.
Две войны, сто революций
не добавили ума,
бесконечность экзекуций,
время с именем – чума.
Мы уже почти у края,
рядом с некой полосой,
во вселенной чуть мерцает
огонёчек голубой.

* * *

А вагон этот – с виду обычный,
как всегда, у состава в хвосте,
гонят нас, к пересылкам привычных,
от версты, по России, к версте.
В шести метрах квадратных
с решёткой –
двадцать плотно спрессованных душ,
третьи сутки – хвосты от селёдки,
а за окнами – серая глушь.
Провоняли, как дикие звери,
и безумно всем хочется пить,
на день раз открываются двери,
по нужде на дальняк чтоб сходить.
Запустили чинарик по кругу,
слышен хруст сухарей на зубах,
первоход колет старому другу
надпись памятную на руках –
«Не забуду маму родную»
или что-то вроде того,
а куплеты про доллошку злую

не волнуют уже никого.
 Малярийная дрожь бьёт по телу,
 он до станции не доживёт,
 беспонтовая жизнь пролетела,
 прямо тут на полу и помрёт.
 Похоронят в ближайшем лагере
 просто номером, и без креста,
 без прощального плача матери,
 но с наколотым ликом Христа.
 Сотни мчатся сейчас по России
 вот таких вот вагонов простых,
 безнадёжных, бесправных,
 бессильных,
 помоги им, Господь, и прости.

* * *

И поехал состав, покатился
 из тепла на большие снега,
 там, где каждый второй уже спился,
 а вокруг – бурелом и тайга.
 Где собак забивают на мясо
 и варганят из шкур воротник,
 где «Тройной» вместо водочки квасят,
 а до смерти один всего миг.
 Жизнь своя по вагонам
 плацкартным –
 занавешен интим простынёй,
 лох посажен проигрывать в карты
 перстенёчек с руки золотой.
 Кто-то в тамбуре лезет на драку –
 лишь за водки лишний глоток,
 и метелит уже бедолагу
 пара кирзовых жёстких сапог.
 Мчится поезд, распахнуты двери,
 волокут его выкинуть в ночь.
 Перебор, заигрались ведь звери –
 человеку бы надо помочь.
 Помогли, оттащили, разняли,
 успокоился пьяный вагон,
 за окном огонёчки мелькали,
 проводник продавал самогон...

* * *

Хочешь покопаться в моём прошлом,
 жизни книжку тихо полистать?
 Отыскать хорошее там сложно,
 в основном – печальные места.
 Всякое со мной случалось в жизни,
 я, скорее, грешник, чем святой.
 Много раз мне удавалось выжить,
 когда пел мне хор за упокой.
 Ты найдёшь в огромном лабиринте,
 в самых дальних, тайных уголках,
 очень неприятные картинки,
 вперемежку в них – и боль, и страх.
 Боли больше, той – невыносимой,
 но вот что хотел бы я сказать –
 дух обычно побеждает силу,
 если больше нечего терять.
 Вечные скитания по свету,
 частые потери и беда,
 нет, конечно, были и просветы,
 их судьба дарила иногда.
 Вот такая, в общем-то, картина;
 поподробней как-нибудь потом,

за столом, при встрече, да под вина,
 а сейчас давай-ка о другом...

* * *

Спим, едим, смеёмся, плачем.
 Впрочем, как и все вокруг,
 но судьба переиначит,
 разорвёт привычный круг.
 Кто-то пулю в лоб получит,
 кто-то водки перепьёт,
 кто-то на больничной койке
 в коме медленно помрёт.
 Стоп, судьбы моей рулетка –
 жизнь, как игры в казино,
 на орле лежит монетка,
 повезло мне всё равно.
 Потому что пуля – мимо,
 водка только лишь «Кристалл»,
 в коме смерть невыносима –
 я такую наблюдал.
 В общем, всё оставь, как прежде –
 сон, еду, привычный круг...
 Если можно – горя реже,
 если смерть – то чтобы вдруг.

* * *

Ясно всё, забрёл ты ненароком.
 Стих, прослушав, вышел просто так –
 молча, без похвал и без упрёков,
 не отреагировав никак.
 А я умер, не совсем, конечно,
 на три дня – к гадалке не ходи.
 Ты же сам поэт по жизни вечный,
 так же больно ёкает в груди
 безразличие к твоей персоне
 и к стихам, родившимся с трудом.
 Я же мчусь с тобой в одном вагоне,
 мысли наши, в целом, об одном.
 Я не прав? Тогда вот двери в тамбур,
 станция «Приехали» – сходи,
 у тебя пробит билет на Гамбург,
 нам с тобой, увы, не по пути.
 Посему расстанемся – и точка,
 мне такой не по душе расклад.
 Я продолжу путь свой одиночкой
 вот уже который год подряд...

* * *

Высота поэтической мысли –
 запредельно простой интеллект,
 в голове твоей дырочку выгрыз
 неопознанный, странный объект.
 На веранде отеля звёздного –
 звёздных слов бесконечный парад,
 окунуться в него не поздно ли?
 Окунулся – сам виноват!
 Вот теперь сиди и прикидывай:
 за окном твоим – что там в ночи?
 Не спеши свои делать выводы,
 ты задумайся и помолчи,
 и придумай неординарное,
 ни какое-то там – тру-ля-ля,
 а такое, чтоб Лёша с Сашкою
 по плечу бы похлопали, бля.

Чтоб Бахыт, ещё больше пришунив
 без того свой прищуренный взгляд,
 необычно бархатным голосом
 наконец-то промолвил бы: «Брат,
 ну и выдал же текст ты, однако,
 человек, ещё водки на стол!»
 Ночь в отеле, Батуми, веранда –
 нереальный, несбыточный сон...

* * *

Жизнь, разделённая на части,
 на «до» и «после» того дня,
 когда, не без Его участия,
 коснулась муза и меня.
 И, вздрогнув от прикосновения,
 как от удара током, вдруг
 мне показалось на мгновенье,
 что я способен слышать звук
 биенья сердца каждой твари
 и шёпот на полях травы,
 увидеть луч сквозь копоть гари,
 идущий к нам из синевы.
 Всё то, что было «до» – прекрасно,
 но «после» радует вдвойне.
 Великий доктор, как лекарство,
 Поэзию назначил мне!

* * *

Посмотрите, кто вернулся,
 явь ли это или сон?
 Загалдел и встрепенулся
 хулиганский мой район.
 Память душу будоражит,
 радость льётся через край,
 нам вино язык развяжет,
 поскорее наливай!
 Мы в беседке виноградной
 соберёмся всем двором,
 как же всё-таки приятно
 сердцу в месте дорогом!
 Тамада поднимет рюмку,
 прозвище его Нияз,
 той ещё закалки урка,
 чача злая – вырви глаз!
 Да, однако, поседели
 головы моих друзей,
 души многих улетели
 в царство тёмное теней.
 Те, кто выжил, слава Богу,
 вот они – вокруг меня!
 Мы хмелеем понемногу
 и поём, судьбу кляня,
 про лихое, злое время,
 пролетевшее во мгле,
 и о том, что всё же верим
 в мир и счастье на земле.
 Вечереет, день короткий,
 солнце скрылось за горой,
 на прощание по стопке,
 ждёт такси, пора домой...

Николай ДОРОШЕНКО

В СЕНТЯБРЕ 2011 ГОДА УШЕЛ ИЗ ЖИЗНИ ТБИЛИССКИЙ ПОЭТ НИКОЛАЙ ДОРОШЕНКО.

Николай Иванович ДОРОШЕНКО (1935 – 2011) родился на Кубани. Незадолго до начала Великой Отечественной войны семья переселилась в Тбилиси, где он окончил среднюю школу, учился на факультете журналистики Тбилисского университета, который бросил по принципиальным соображениям и добровольно пошел служить в армию, ходил в долгосрочные морские плавания, большую часть жизни проработал строителем. Стихи писал всю жизнь, но печатался редко. В августе 2008 года в журнале «Москва» прошла последняя полноценная публикация его стихов, которую мы и предлагаем вниманию читателей.

* * *

Проснулся, вышел – звёзды и луна,
Цветущих вишен белые сугробы,
И разум мой, восторженно суровый,
Объяла изумленья пелена.

Проснулся, вышел, на носки привстал
И потянулся в замершие дали –
И Господа прозрачные уста
Мой лоб разгорячённый целовали.

* * *

О, как сердце взлетело отважно,
Лёгко шаг на подъёме крутом!..
Я пою – остальное не важно,
Я дышу – остальное потом.

Жгу завал ахинеи бумажной,
Тает горечь, как мартовский лёд...
Я любим – остальное не важно.
Я любим – остальное придёт.

Вот иду побеседовать к богу,
Принимаю и святость и грех,
Я – пророк, значит, верю в дорогу,
Я – восторг, значит, нужен для всех.

Вот цветы на алтарь постиженья,
Ордена на пиджак храбрецам...
Раз парю, значит, нужен движенью,
Значит, сын неземного отца.

* * *

Что выражает воля взгляда,
О чём молчание камней?
Ведут туда, куда не надо,
То говорят, что дико мне.

Одна надежда и отрада,
Одна опора в ритме дней,
Что я продолжусь веткой сада,
Пребуду в таинстве корней

* * *

Не знает никто в мире, кроме
Жасмина и брызжущих слив,

Насколько я кроток и скромн,
Насколько кипуч и хвастлив.

И там, где мгновения нижут
Из бисера явь и мечту,
Насколько людей ненавижу,
Насколько их славлю и чту.

Пока пишет жизнь мою книгу,
Скажу, суть к двум строчкам сведя:
Я всё в этом мире постигну,
Всё, кроме Души и себя.

* * *

Не прерывай полёт. Вперёд! Смелее!
Риск ищет и приемлет виражи...
Над всевозможным невозможное довлеет,
Над смертью воскресение кружит.

Не плачь над сгнившей сваею причала,
На месте смытого другой возникнет брег...
За каждым окончанием – начало,
На месте разложения – побег.

Я знаю, что земные сроки строги,
Их не задобрить самой щедрой мздой...
И стоит мне упасть на полдороге,
Как кто-то устремится за звездой.

* * *

В неведомом мире,
Крылами шурша,
Парила свободно
Земная душа.

Парила – и слёзы
Роняла глаз дрожь,
А люди считали,
Что капает дождь.

* * *

Всего дороже – бездорожье,
Когда, отчаявшись, бегу
От болтовни пустопорожней
У строгих сосен на виду.

Всего дороже, когда схоже
Моё стремление с твоим,
Когда мороз струит по коже
В смятенье радуги свои.

Всего дороже, когда должен
Неукоснительно отдать
Рабам не праведным, но божьим,
Чтоб выпить дара благодать.

* * *

Прекрати, лампада, тленье,
Посмотри легко, без слов
Совершенств счастливых пенье
Проникает сквозь стекло.

Рви, болтливость, спешно фразу,
Потому что входит в дом
Совершенства светлый разум,
Чтоб очистился я в нём.

Всё приемлю, всем доволен,
Потому что со вчера
Я и сеятель, и воин,
И тычинка, и пчела.

Вехи, годы, радость шлите,
Потому что в беге дня
Я – певец, поэт, мыслитель,
Продолжение огня.

* * *

О, будь обвальным, наважденье,
Оденься рифмами, тетрадь...
Мне доставляет наслажденье
Три раза на день умирать.

Прости, перо, за тон помпезный,
Но, сколько б разум не грешил,
Мне по душе идти над бездной
Среди заоблачных вершин.

Простите, ели, тисы, клёны,
Прости, покой великий дня:
Мне по душе быть ослеплённым
Среди торговцев и менял.

В среде удушья и озона
Прости, любовь, за плач и смех...
Мне по душе строкой стозвонной
Себя обманывать и всех.

* * *

Внутри – спасенье. Я вхожу в себя,
Да так, чтоб не скрипели половицы,
Да так, чтоб не проснулись ночи птицы,
Примкнувшие к восьмому этажу.

Внутри – спасенье. Ощупью ведом,
Подушечками пальцев натываюсь

На холмик, именуемый гнездом,
Что тайно от меня построил аист.

* * *

О, радость! Это от меня
И полнота, и скудость дня,
И боль в больших глазах газели,
И ржанье рыжего коня.

О, радость! Это от меня
Цветы синеющего дня,
Бездонность утреннего неба
И бездн разъятых глубина.

О, радость! Это от меня
Кувшин пьянящего вина,
В полыни и пахучих розах
Дорога трудная к корням.

Протянут я от звёзд до пня,
Я – семя, время, головня...
Всё от моих недосыпаний,
Всё однозначно от меня.

* * *

Я стал насекомым, травой,
Вселенским органом, трубой...
Позволь, ночь, поплакать с тобой,
Позволь, день, смеяться с тобой.

Всмотрюсь с восхищеньем в камею,
Рассею сомнения дым...
Хочу, ночь, быть тишью твоею,
Хочу, день, быть шумом твоим.

Завидовать можно лишь птицам
Да людям, взлелеявшим сад...
Позволь, ночь, в тебе раствориться,
Позволь, день, с тобою блистать.

* * *

Ты движешься как на котурнах,
Две дочери, временный муж...
Я знаю, как ты авантюрна,
Дружна с шарлатанством к тому ж.

Слоняюсь, то мрачен, то светел...
Я б счастлив был в мире лекал,
Когда б только мартовский ветер
К тебе под подол проникал.

Стелюсь то печалью, то криком...
Я б счастлив был в дни колдовства,
Когда б только алым гвоздикам
Твои отдавались уста.

Губами надёжного тыла
Шепчу после смелого па:
Я знаю, как ты сексапильна,
Как ты безнадежно глупа.

* * *

Межа, каурая кобыла,
Земли таинственный пролом...

Когда-то это уже было,
Махало в мареве крылом.

В эпоху дерзкого Дедала
То солнцестоем, то пургой
Неизречённость обнимала
Меня прохладною рукой.

Я не противился, я ведал,
Что под мерцающей звездой
И поражение, и победа
Придут своею чередой.

А между тем ненастья были,
Но знал души покой и гром,
Что это в дальней дали было,
Махало матовым крылом.

* * *

Всё дарила, смеясь, как щенку,
Мимо губ целовала в щеку,
Мимо сердца роняла слова,
О которых жужжала молва.

Мимо цели летела стрела,
И отвага сползала с седла,
Потому что мужчину в соку
Мимо губ целовала в щеку.

* * *

Уже усталость ощутила
Моя поющая страна,
И допекает тяжко с тыла
Дня отступившего страда.

Уже подкошены колени,
Летают руки невпопад,
У двух последних поколений,
Прошедших через камнепад.

Уже я путаю страницы
В романе толстом бытия,
И не зовут в пространство птицы,
И не завидую им я.

* * *

Дураки добродушны,
Незлобливы, легки,
Как перины, подушки,
Как извивы реки.

Они – детища бога,
Они – власти редут,
Потому-то их много,
Потому-то их чтут.

ВЫЖИМКИ МОЕЙ ЖИЗНИ

Мои пращурсы – удалые сыны и дочери Запорожской вольницы. Это их, здоровых, мощных, острых на слово, увековечил Илья Репин. Казаки очень насолили Екатерине II и, одержав победу над запорожским войском, она сослала бунтарей на бросовые земли (американцы называют их прериями) теперешней Кубани.

Это крепкие и умные руки казачества сделали этот край житницей Руси, СССР и России.

Родился я в 1935 году в сентябре, именовавшемся в старину ревуном, и только в декабре был зарегистрирован в церковно-приходской книге, ибо осень на селе год кормит, и для сельчанина наипервейшее дело – умело распорядиться дарами земли. Над молодым государством, только-только пережившим голодомор, нависла страшная коса репрессий 1937 г.

Измордованное, напуганное население стало искать спасения в других землях. Об этом исходе я подробно напишу в большом прозаическом произведении.

Так перед самой второй Мировой я попал в Грузию, где и проживаю по сей день.

Пока отец воевал, я был посажен в школу, чтобы набраться ума-разума, ибо интеллектуалов пуля поражает с трудом, а быдло – запросто.

Школа для меня была казармой, пыткой, камерой заточения, потому что я не люблю, когда меня учат, предпочитая до всего доходить своим умом.

Одиннадцать потерянных лет, брошенных судьбе под хвост: за эти годы сколько бы я прочел! во сколько бы утвердился! Но государство знает, что делает.

Наконец, протерев ягодицами несколько пар брюк, я покинул благословенные стены общеобразовательного храма. Я недолго торжествовал: так как надо было расти до солнца в университете, чтобы завоевать право ношения значка на лацкане пиджака и получить в няньки альма-матер.

Я уже тогда скрипел пером, ублажал писком некоторые газетёнки, а посему решил штурмовать журналистский олимп, но на кануне в «Молодом сталинце» тиснули мою статейку – не помню уж о чем, – содержание которой с трудом узнавал, хотя её итожила моя фамилия. Я понял, что общественное мнение формируют диктат и деньги, но не журналисты, они – ангажированная публика, подвывающая тому, кто платит.

Я порвал абитуриентские бумажки в университете, написал заявление и подался в защитники отечества, в армию.

По глупости и незнанию реалий я поменял шило на мыло, чтобы сказать: Николай, ты сваял дурака – и какого! Что ж: мы многому научаемся, когда приходит пора сходить в могилу.

Я был служилым восемь месяцев вместо четырёх лет: идя по лезвию бритвы, мне удалось вернуться в родные стены. В мире не должно быть армий, границ, национальностей, и пока они существуют, конфликты неотвратимы.

«Надо жить – вот она, роковая задача...» Всегда предпочитал есть свой хлеб, никому не кланялся, не угождал. Работал. Нет в Тбилиси улицы, где квадратные глаза домов не смотрят вдаль и где живут люди, которым я возвёл кров и какой-никакой уют.

Сорок шесть лет строил – и всю жизнь писал.

Наработано где-то за тридцать томов, не знаю точно, не считал, это не интересно.

Если бы не поэзия, счёл свою жизнь не нужной, хотя сознаю, что в ней куча абсурда.

Рыбачил, кормил рыбой океана советского человека...

Люди, заклиная вас, любите поэзию – высшее проявление человеческого духа, лучшее украшение человеческого бытия.

*Николай Дорошенко
Тбилиси, май 2008 г.*

Проза

Турам СВАНИДЗЕ

SHE LOVES YOU

На своём «Мерсе» я пересекал город моего детства. Искал глазами школу, в которой учился, и не нашёл. Испытал искушение притормозить у дома, где когда-то жил. Но не сделал это. Я спешил. Впрочем, настолько ли?

Это были далёкие 50-е. Население городка отличалось простотой нравов и неприязательностью во вкусах. И сильно нуждалось. Здесь было легко прослыть оригиналом. Вполне достаточно было быть сумасшедшим или зажиточным.

Я и мой брат были близнецами. Мама одевала нас одинаково. Поэтому мы производили фурор, казались претенциозными. Малышами отец привёз нас сюда из Тбилиси. Его перевели по службе, по почтовому ведомству. Наша семья считалась богатой.

Много позже бабушка рассказала один случай. Мы гуляли с ней в парке. Нас окружили зеваки. Брат испугался, а я прижал его своей спиной к дереву и отбивался от толпы – брыкался ножкой. Одна женщина назвала нас куклятами. Она смотрела с умилением.

Шоком для горожан стало, когда мы с братом появились на улице в беретах. Проходящий народ останавливался и пялился на нас, как на какое-то чудо-юдо.

– Известное дело, дети Карло С.! – прозвучало не без насмешки.

Однажды в город прибыл некий командировочный, инженер. В берете. Местные ротозеи так громко смеялись, будто приезжий появился в общественном месте в клоунском колпаке. Бедолага не мог понять, что происходит вокруг него. А мы с братом внутренне ему сочувствовали.

Не меньше неприятностей доставляло ношение шорт. Оно расценивалось, как вызов. В Тбилиси у нас было много друзей, которые ходили в шортах. Там это было в порядке вещей. Однажды я, невоздержанный на язык, заявил в компании сверстников, что обитатели городка некультурные, раз шорты им в диковинку. Кто-то из них рассказал об этом дома. Последствия не замедлили сказаться. Скоро один из соседей с обидой жаловался нашим родителям, мол, ваши дети держат горожан за деревенщин.

Да что там мы с братом! Помню городскую сцену, меня поразившую... Яркая блондинка, некое видение древнегреческой богини в тунике и сандалиях, дефилировала по разбитому тротуару главной улицы. Девушка шла,

зажмурив глаза. Так сильно светило солнце с голубого неба. В какой-то момент она, наверно, вдруг почувствовала что-то неладное, ей стало жутковато. Обернулась....

За ней молча следовала толпа. Чернявые мужчины, вероятно, для неё все на одно лицо, следовали за незнакомкой по пятам, держась на некотором расстоянии. Она останавливалась, и они останавливались, ни на шаг не сокращая дистанцию. Впав в панику, девушка закрыла лицо руками и бросилась в сторону толпы в отчаянной уверенности, что та расступится. Народ, действительно, спешно расступился, а она бежала по образовавшемуся проходу. Ей слышалось стройное: «У-у-у!!» Потом эти люди стояли под окнами дома, где гостила девушка. Они молчали, и только тогда, когда им казалось, что за шторкой мелькает её силуэт, издавали «У-у-у!» Хозяин дома выходил к народу, угрожал позвать милицию, упрасивал разойтись, но тщетно. Больше девушку никто не видел. Говорят, что её тайком вывезли.

Но время шло, и положение менялось. Например, не мы первые в городке одели брюки-клёш. Зато мы стали первыми битломанами...

На каникулы мы ездили к бабушке, в Тбилиси. В какой-то компании нам дали послушать пластинку, производства ГДР. Весь вечер крутили только её. «Что за ребята так ладно поют?» – спросил я хозяина.

– Англичане какие-то. Ансамбль «Битлз».

С тех пор ко мне и брату привязалась одна мелодия, и мы пели её: «Члочив йе-е-е», коверкая известный припев «She loves you, уе-уе». В городке мы были первыми во всей округе, кто узнал о ещё не популярном у нас ансамбле «Битлз», более того – исполняли кое-что из его репертуара. Надо отдать должное нашим сверстникам. Когда ливерпульская четвёрка была в зените славы и модным стало носить длинные волосы, все дружно признали, что первыми битломанами в городе были братья С.

Потом отца перевели обратно в Тбилиси.

При въезде в городок меня остановили два милиционера и попросили подвезти до поста на другом конце города. Молодые интеллигентные ребята охотно проявляли осведомлённость. Пока ехали через город, столь изменившийся и выросший в размерах, я задал им кучу вопросов. В какой-то момент они подозрительно на меня покосились. Я сказал им, что жил здесь. Под конец спросил их, а не слышали ли они о братьях С. Милиционеры только пожали плечами. Конечно, я проявил самонадеянность.

ТОПОЛЯ

Населённый пункт считался деревней. Потом здесь построили маленький винный завод, и населённый пункт «повысили» в статусе – он стал городом.

Не исключено, что именно по этому случаю на одной из улиц были высажены тополя. С того момента в городке её стали считать центральной.

Как известно, тополя из породы быстрорастущих деревьев. Через некоторое время они стали выше всех зданий города. Один из них закрыл вид на горы, которые раньше виднелись из окон моего дома. Но однажды порыв сильного ветра согнул дерево, и на время я опять увидел спокойный горизонт, горы. Порыв продлился, а тополь силится воспрянуть, его листья в панике трепетали.

По весне тополя выпускали пух. Невесомая пушинка подолгу зависала в воздухе. В самой сердцевине её прозрачной плоти виднелся белый сгусток семени. По дороге в школу я поймал пушинку и выпростал из неё семя. Оно было полно чёрной и вязкой, как тавот, жидкости. Испачкал себе белую сорочку. За что получил дома взбучку.

Осенью, к октябрю, в желтеющие кроны тополей набивались воробьи, которые деловито чирикали. Кроны и нашедшие в них приют пташки таяли в лучах яркого солнца. В это время по улице на арбах крестьяне из окрестных деревень везли на завод виноград. Караван тянулся медленно и молча. Только поскрипывали деревянные арбы. Убаюканные дорогой и воробьиным гвалтом, жмурясь от солнца, крестьяне в полудремотном состоянии погоняли вялых волов. Те монотонно жевали жвачку и иногда лениво били себя хвостами по крупам, отгоняя назойливых мух. Местные мальчишки подкрадывались к каравану и воровали из огромных плетеных корзин кисти винограда.

Под вечер смолкали воробьи, из городка уходила последняя арба, ворота заводика закрывались. Улица становилась пустынной. Её осеняло золото тополей... Кучки навоза напоминали о караване.

В городке отсутствовала служба озеленения, которая, сделав обрезку, освободила бы тополя от сушняка. Со временем те обезобразились. Зимой ходили на монстров. Снег навёл бы марафет. Но снег у нас выпа-

дал раз в год, и то на день-другой. Зимой обычно у нас дождит. Монстры мокли и терпеливо ждали летнего наряда.

... Но вот появилась служба озеленения. Она спилила тополя. Большое местное начальство распорядилось. Дескать, весенний пух аллергии вызывает.

НЕЛЕГАЛ

Я родом из одного провинциального городка. Не такой уж он неказистый, раз о нём песню сочинили. Ещё в 19-ом веке... Молодой человек уходит в большой мир, оставляя дома родителей-стариков, возлюбленную и виноградник.

В одном из ресторанов Тбилиси мне довелось услышать эту песню в исполнении мигранта из Нигерии. Сначала хозяин ресторана определил чернокожего юношу в швейцары, для экзотики. Потом оказалось, что парень поёт и танцует. Его переквалифицировали в артисты.

Вообще Кен (так его звали) был смышлённый. Как-то на улице африканца увидели деревенские бабки. Уставились на него. «Такого ночью встретишь – кондрашка хватит!» – шепнула одна другой.

– Слон я, что ли, чтоб меня пугаться! – вдруг отреагировал Кен. Его справная грузинская речь ввергла женщин в шок. Наверное, не меньший, чем случись им на околице деревни ночью повстречать слона.

Об этом случае мне рассказал коллега. Я с ним в том ресторане отобедал. Его зять водил с Кеном дружбу. Даже бизнес пытались с ним завести – дискотеку на колёсах. На море собирались на трайлере.

– Пришёл к нам этот артист, – вспоминал коллега, – пока зять себя в порядок приводил, гость всё время туркал его – то сорочка у того неглаженная, то смеётся, как болван. Сам же прямо как с иголки. Они направлялись на деловую встречу.

– Вообще, видать, легко ему. Ходит вприпляску. Даже когда малую нужду справляет, танцует, – заметил коллега.

Потом оказалось, что у этого негра возлюбленная есть, грузинка. Втрескалась в него. А он доволен, дескать, у них в Нигерии на девиц трудно положиться. Здесь по-другому. Жениться надумал. Вот наглец! – вырвалось у собеседника.

– А ты случаем не расист? – спросил я у него.

– Нет, вроде бы, – был ответ.

Позже я увидел Кена по ТВ. Его загребли, как нелегала. Эту сцену запечатлели тележурналисты. Юноша вызвал слёзы умиления у всех, кто смотрел программу о борьбе с незаконной миграцией. Судя по кадрам, у полицейских тоже. В полицейском участке он пел песню о городке, откуда я родом.

Его депортировали. Кажется. Мне говорили, что на одном из недавних политических митингов в Тбилиси выступил негр. На отменном грузинском языке он чехвостила правительство. Неужели Кен? Это можно допустить. Ведь среди спецназовцев, разгонявших митинг, демонстранты видели китайца.

Стихи

Елена ЧЕРНЯЕВА

* * *

Чествуй меня, чествуй, попросту – понимай!
 Это всё – облака, а не заоблачный край.
 Это всё – белая пелерина, детские голоса.
 Так хорошо бы нам было с тобой – да вот, десант.
 Выбросился, пробрался через поле и лес, вбежал
 в нашу квартиру, в чернильных кляксах
 школьный пенал.

И говорят теперь все, разные, так говорят вокруг:
 какие они незрелые, все книжки листают, врут.
 Сами себе врут, что жизнь будто бы не прошла,
 будто есть ещё порох, и есть, прости Господи,
 наши дела.

А мы, если и врем, то это – так, для отвода глаз,
 для тех, кто стоит за дверью, кто кормит страх,
 для тех, кто смотрит, чего бы у нас ещё взять,
 хотя уже взяли почти что всё, оставили только пядь.
 А мы, если и дышим, то только лишь в унисон,
 если и спим, то видим один на всех сон.
 А Бог, говорящий на разные голоса,
 через громкоговоритель шлёт нам последний приказ.
 Он говорит: живите покуда, живите, занят я.
 Он не знает про время, он посещает детсад.
 Вот и говорю тебе: чествуй меня, понимай,
 вот и беру тебя за руку – чем же не рай?
 Волглое небо, ветвистые облака,
 дважды в день каплют салом небесные окорока.

* * *

Оказывается – невозможно так просто спеть.
 Непременно надо кого-то в виду иметь.
 Кого-то с глазами в полнебосвода, в пол-лица,
 тёплого, как подушка из-под младенца-отца.
 Жаркого, как животное в лихорадке. Больной,
 он мне покажется лучше, окажется – свой.
 А так хотелось – про то, что мир начерта поделён,
 про то, что всегда всё плохо, кто бы ни сел на трон.
 Про то, что воры воруют, а вралы врут,
 ещё про многое там и немного – про тут.
 Только вот оказалось – невозможно спеть,
 ни в рифму, ни – так. Оказалось: ни медь – ни жель.
 Оказалось, другие во мне голоса,
 невесомость, солнечная на стене полоса.
 Оказалось, берег, присыпанный серой крупой,
 и солёный ветер подгонит к ногам прибой.

Вот и пой теперь, милая, пой про то.
 Несмеянный твой садится в чужое авто,
 покупает чай, съедает весь хлеб,
 ищет какую-то Жанну, использует стёб.
 И всё тебе – не к лицу: ни голос твой, ни глаза,
 в микрофон смеются бисовы голоса.
 Ну, так что ж – рисунок, сангина, офорт,
 он немного ошибся, но в следующий – повезёт.

* * *

Что ж, это всё так приходит однажды:
 ветер, одышка, палёная шерсть,
 птицы из Рима и нежность, и жель,
 карлики, монстры, в заплатках одежды,
 сны, перелётные голуби дней,
 якорь последнего (господи) взгляда,
 (если – не да, то, понятно – утрата,
 если – никак, то катись поскорей).
 Правда откроется, море прольётся,
 кто-то кому-то сквозь кровь улыбнётся,
 выбьется, вырвется, снова начнётся:
 смыслом играя, рифмуя, стыкуя
 память и нервы, себя и кого-то,
 дерево, птичку, любовь и уroda,
 быдло, надежду и хляби без брода.
 Так это всё приходило, взыскуя
 к жизни, что просто пытаешься жить,
 к телу, которое вкривь разлунют
 чёрные ветлы, жестокий уют,
 старость и страсть, и опасность, и прыть.

* * *

Снова про дождь. Ничего не поделывать
 с ритмом и шорохом, с блеском и тьмой,
 с запахом прели (пребудет со мной),
 с телом, которое помнит, что – тело.
 С мирным киванием газа на кухне,
 с чёрной планшеткой, что карту хранит,
 с диском заезженным: o sole mi-
 О, как горит он и как он потухнет!
 С тем, что всегда и везде, и во всём –
 палочкой Коха, микробом – тщета,
 с тем, что взметнулось однажды с веслом
 лодки, осевшей в брюхе кита.
 С вечными темами, с честной нуждой
 в слове, которое будто бы – власть.
 С тем, что живым не даётся покой,
 с тем, что бесплодна никчёмная страсть.
 Так переборщиком в лавке утиля
 вещи тасуя, приходишь к нулю:
 дождь, освещение, асфальт, дежавю,
 срок истекает, живём на краю...
 вместо – люблю тебя, вместо – любила...

* * *

Пальцами, унявшими собственную дрожь,
 пальцами, разъявшими небо и нужду,
 пальцами, ронявшими листы, где ложь,
 пальцами – по клавишам. Небо за версту
 пахло невозможностью, брызгало наркозом.
 Вёрсты шли навстречу, налетали грозы.
 И стекала с клавиш чёрная надежда,
 белые пустыни, нищие одежды.
 Яд всегда – один на всех, это ведь понятно?
 И одна вода, и земля, и соль.
 Вот и бьёшь по клавишам, пишешь внятно
 пальцами, готовыми на всё, на всё.

* * *

Вникни, здесь не бывает песочных часов,
 потому что не хватит песка на всех,
 не бывает искренних голосов:
 голоса гарантируют общий успех.
 Можно спать, можно, проснувшись, решить,
 что тебе важно: разведка? Бой?
 А потом остаться в квартире и жить
 пока не поймёшь, что уже седой.
 Вникни, это зовётся здесь – жизнь,
 хотя, если хватит её мне на пару строк,
 я всмотрюсь туда, где твоя отчизна,
 но про это ты сам всё знаешь, Бог.

* * *

Знаешь, я буду с тобой откровенна сегодня:
 мне снится твой голос.
 Голые ветки стучатся в окно, разлиновано небо,
 Здесь невозможно прожить, не поверив во что-то,
 и невозможно поверить – всем хочется хлеба.
 Здесь откровенность сочтут нелепой и грубой,
 надо любить здесь своих, ненавидеть – чужое.
 Надо носить платки и по праздникам – юбки,
 верить, что к смерти приязнь – это дело благое.
 Солнце моё не посмотрит уже на меня: я к нему опоздала,
 я соревнуюсь теперь с зеркалами – кто из нас старше.
 Жди меня всё же на улице ждущих кварталов,
 там, где готовятся к праздничной встрече тени наши.
 Всё я скажу тебе там, не скажу последнего слова,
 всё остальное – скажу, скажу, что захочешь, лишусь покоя:
 что виновато время, страна, другие люди... Но снова
 я промолчу лишь о том, как мне хочется стать травойю.
 Просто травойю у ног, просто травойю. Телу
 больше не нужно будет просить о ласке.
 Просто травой, которая под ноги стелет
 хрупкие влажные стебли – последний свой праздник.

* * *

Да, тебе лучше спрятать голову под крыло,
 сделать вид, что все это – не про нас.
 Вот и я устала быть тем стволом,
 что поддерживал небо на час.
 Той лошадкой, что готова пахать всегда,
 какой бы ни выпал год,
 ручной обезьянкой, по пустым городам
 бродившей с тобою вброд.
 А сейчас приходит к нам зелень воды,
 приплывает Левиафан.
 Он горит и дышит, тянется до звезды,
 он никогда не узнает про кран.
 И тёплая эта нахлынет вода,
 когда ещё будем спать,
 сырую нежность отдаст городам,
 ещё будем мы здесь когда.
 И я увижу тогда (в окулярах двойных
 уже будут мои глаза),
 что это вовсе не ты, но твой неверный двойник,
 он забрал твой голос, он к обману привык,
 он меня к себе привязал.

* * *

...Я попыталась, было, быть травой,
 чтоб не мешать тому, что есть простор.
 Но от него последовал укор:
 «не будь травой, не повышай надой,
 забудь свой план смешной».
 Я попыталась снова – стать окном,
 чтоб, поглядев в меня, остался друг.
 Но не остался: был сплошной испуг,
 «ты так квадратна, мне любезней круг,
 хотя, вообще-то, знаешь, все – дурдом.
 Не будь окном».
 Я сделала попытку стать стеной,
 и серость неприступную растя,
 не пропускала без нужды в себя,
 всем говорила: здесь опасность, стой!
 Блюла покой.
 Я пробовала сотню раз потом,
 я пережгла на кухне провода,
 словами «вечность», «счастье» и «беда»
 обклеивала стены. Как всегда
 был терпелив мой дом.
 Ну а ему хотелось кушать борщ,
 смотреть в окно, которое в стене,
 любить пейзаж, точить кухонный нож
 и видеть луг, что в чёртовом окне
 вполне заполнен правильной травой.
 Я ж не была – такой.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ИГРА

Предлагаем вашему вниманию результат одной литературной игры, происходившей на форуме «2x2» (<http://2x2.itdc.ge/Forum/>), который посвящён, в основном, путешествиям по Закавказью, но предполагает и обмен опытом, впечатлениями, и просто творческое общение. Собственно игра заключалась в следующем – несколько игроков сочиняли рассказ, не договариваясь о том, как будет развиваться сюжет. Каждый добавлял своё продолжение истории на форум, исходя из написанного ранее: полагаясь на собственную фантазию, но стараясь по возможности не терять из виду сюжетную линию.

Авторы выступают под своими форумными никами. (Рассказ так и не был озаглавлен, поэтому заранее приносим извинения читателям за возможный когнитивный дискомфорт.).

Таня

Пт янв 20, 2012 12:32 am

В конце декабря зима, наконец-то, решила вступить в свои права. Она пришла вместе с холодами, по-хозяйски оглядела принарядившийся к празднику город и осталась довольна. Не хватало только заключительного штриха, но вскоре и это было исправлено... Снег пошёл крупными хлопьями, тихо ложась на крыши домов, на украшенные огнями улицы и площади.

Он трудился, не переставая, всю ночь и всё утро, и к обеду дело было сделано – весь город был покрыт густой белой шапкой. Невозможно было пройти мимо такой красоты. Кто-то мимоходом любовался сугробами, кто-то не мог устоять перед соблазном загрести побольше пушистого снега и скатать снежок. А иные отправились с фотоаппаратом в ближайший парк.

Даже у Светланы, уставшей за последние месяцы от работы, поднялось настроение. Она возвращалась в свой офис после обеденного перерыва, а в голове крутились одни и те же слова: «Я знаю точно, невозможное возможно». Слова эти прибудились случайно, она терпеть не могла Диму Билана, и уж тем более, не верила в возможность «невозможного». Но дело в том, что невозможные и удивительные истории происходят даже с теми, кто в них не верит. И именно такая история собиралась начаться для Светы буквально через пару минут.

– А он симпатичный, – заметила Вика. – Только староват малость.

– Ты про кого? – не поняла Светлана. Перерыв ещё не закончился, и кроме них двоих, в кабинете никого не было.

– Заходил тут к тебе один мужчина. Предпочел остаться инкогнито, очень спешил и ждать не захотел. Твой парень, наверное?

– Нету у меня парня, ты же знаешь.

– Да ну? А что же он тогда тебе ключ от квартиры оставляет? – Вика рассмеялась и протянула подруге ключ с брелком в виде смайлика.

– Так это от студии! Только всё равно не знаю, кто это был... Ладно, спасибо! – Света взяла хорошо знакомый ключ. – Разберёмся.

Занятия в художественной студии, которую посещала Светлана, вёл замечательный человек – Екатерина Васильевна, Катюша, как называли её за глаза. Несмотря на пожилой возраст, она обладала огромной энергией и умела заражать ею своих учеников. Кроме частных уроков, художница часто разрешала пользоваться студией в её отсутствие, и даже сделала дубликат ключа, который хранился у кого-нибудь из учеников. В случае необходимости они созванивались и передавали ключ друг другу. Так что ничего удивительного в истории с ключом не было.

Кроме одного.

Коллектив, ходивший на занятия в студию Екатерины Васильевны, был, в основном, женским. Кроме паренька, собиравшегося в следующем году поступать в Художественную Академию. Но семнадцатилетнего Андрея никак нельзя было назвать «малость староватым» – он и так выглядел младше своих лет. Правда, был у них в коллективе ещё один молодой мужчина, но он уже два месяца как перестал посещать студию.

В надежде получить объяснения, Света набрала номер Екатерины Васильевны, но ни мобильный, ни домашний не отвечали. Впрочем, и это не было удивительным, так как их руководительница была очень деятельным и занятым человеком.

Итак, таинственный незнакомец, передавший ключ, стал первым звеном в цепи удивительных событий, которым вскоре суждено было произойти со Светланой. Если бы девушка подозревала о них, она поспешила бы застраховаться, благо работала она не где-нибудь, а в страховой компании. Но, во-первых, как мы уже сказали, она не верила в чудеса. А во-вторых, чтобы открыть новый пункт в страховке на случай «непредвиденных, сумасшедших, абсолютно нереальных происшествий» нужно было время. А времени как раз-то и не было – рабочий день закончился, и Света отправилась на автобусную остановку, где подошедший через 7 минут автобус довезёт её до студии.

Colonel 100

Пн янв 23, 2012 10:31 pm

За полчаса Света уже добралась до студии. По привычке быстрым шагом поднялась она на третий этаж старого, ещё дореволюционного дома. Дом хоть и был весь в трещинах, но зато с высокими потолками и с очень просторными светлыми комнатами.

Девушка отперла тяжёлую металлическую дверь.

Почему-то свет в большой комнате горел. Неужели кто-то из учеников забыл?

Екатерина Васильевна, – на всякий случай позвала Светлана, – это Света, вы тут?

Никто не отозвался, и она, сама не зная, чего опасаясь, осторожно отворила дверь в большую комнату, служившую студией. Там было пусто. Ну, точнее говоря, в комнате было огромное множество вещей: какие-то наброски, рисунки учеников, репродукции известных авторов и картины самой Екатерины Васильевны, висящие на стенах, вазы и гипсовые модели геометрических тел, разложенные на двух столах, и ещё бюст греческого философа на книжном шкафу. Повсюду лежали рулоны ватмана для рисования, стояло несколько мольбертов, и ещё были сильные лампы, светившие сейчас так ярко, как будто занятия шли полным ходом.

Света оглядела весь этот радующий глаз творческий беспорядок, чуть улыбнулась и, пожав плечами, решила выключить лишнее освещение, ведь дневного света пока было вполне достаточно.

В этот момент взгляд её упал на второй стол, стоявший у стены.

Там, прислоненный к стене, стоял недавно написанный портрет. Портрет девушки, одетой в светлое зимнее пальто, с коротко постриженными темно-русыми волосами и внимательными серыми глазами, спокойно смотрящими прямо на зрителя или же на автора портрета. Света даже слегка вздрогнула. Ведь на портрете была изображена она сама.

Robinsus

Вт янв 24, 2012 4:49 pm

«Чья-то шутка?» – подумала вначале Света, но это почти детское предвкушение розыгрыша угасло, так как никто не выскакивал из-под стола с весёлым криком «Сюрприз!». Она была абсолютно одна в студии. Если не считать портрета... Хотя, можно ли считать портрет полноценным действующим лицом? Света хмыкнула. Такой, неожиданно сваливающийся на голову – вполне.

Она подошла к портрету почти вплотную. Таковую себя она не видела ни прихорашиваясь перед зеркалом, ни бросая случайный взгляд в витрину магазина... Портрет был точной её копией – но та, нарисованная Света была абсолютно иным человеком. У неё была другая судьба, быть может... Или её звали иначе... Или...

Внезапно ей показалось, что выражение лица у портрета изменилось – как будто уголки губ чуть-чуть дёрнулись в еле заметной улыбке. Сердце у Светы заколотилось, она отступила на шаг... Но тут же решила не поддаваться панике.

– Что за глупые мысли! – одёрнула она сама себя вслух. – Тоже мне, Дориан Грей в юбке нашёлся!

Сердясь и на саму себя, и на автора портрета, она сняла пальто, бросила его на стул и встала перед портретом в весьма воинственной позе – выставив подбородок, прищурился глаза и уперев руки в бока.

– Н-н-нда... – произнесла она через минуту и склонила голову набок, всматриваясь в портрет.

Она совершенно не знала, что делать дальше.

Протянув руку, она осторожно дотронулась до края холста. Краски ещё не высохли, и на кончиках пальцев у неё остались аккуратные цветные пятнышки.

– Ну, сохни, сохни, – сказала она.

Её голос прозвучал неожиданно громко в тишине пустой студии. Ей стало жутковато. Кто-то – неизвестно кто! – передаёт для неё ключи от студии, а сам в той же самой студии тайно пишет её портрет... Бред какой-то! И если учесть, что этот кто-то знает, где она работает... то, вполне возможно, для него и её домашний адрес не секрет.

– Маньяк, – прошептала Света. – Или тайный поклонник. Даже не знаю, что хуже...

Она долго колебалась, выбирая, как ей поступить: оставлять портрет в студии ей не хотелось, потому что никто, разумеется, не поверит, что она не позировала. А она не позировала! Света даже топнула ногой от возмущения... И с собой его брать нельзя – краски ещё не высохли, и это означает, что она и сама перемажется, и портрет испортит...

– А это неплохая мысль!

Она поискала взглядом, чем бы ей превратить портрет в мешанину из разноцветных мазков, но тут во дворе, куда выходили окна студии, раздался короткий крик и удар. Света бросилась к окну и, прижавшись к стеклу, увидела чью-то распластанную на снегу фигуру.

Слетев вниз по ступенькам, она подбежала к упавшему. Тот, как видно, ушибся, но не слишком сильно, и уже поднялся, отряхивая налипший снег, что, в принципе, было не очень результативно – снег уже валил крупными хлопьями.

– Андрей? Ты? – воскликнула Света. – Я думала, кто-то с крыши упал...

– А... Привет... Я вот тут... – Андрей перестал отряхиваться. – А ты почему без пальто?

– Я в студии была. Я услышала, как ты закричал, и выбежала.

– Я не кричал... Я просто... споткнулся.

– Как же не кричал? Я же слышала!

– Я споткнулся! – в голосе Андрея появились панические нотки. – Понятно? И ни с какой крыши я не падал!

– Я и не говорю, что ты падал с крыши, – объяснила Света, чувствуя, что замерзает. – Я просто так подумала.

– Ты вся в снегу, – проговорил Андрей чуть тише. – Не стой тут.. так... без пальто...

Он вдруг испуганно поднял взгляд на окна студии, потом снова посмотрел на Свету, как будто что-то собирался сказать, но передумал.

– Ну, я пошел, – сказал он быстро и почти побежал.

– С ума сойти, – пробурчала Света, дрожа от холода, и поднялась обратно в студию.

Уничтожать портрет она почему-то передумала. Теперь он ей нравился. Это, действительно, была шутка, хотя непонятная. Пока непонятная...

– Значит, так, да? Значит, шутить изволите? – сказала Света.

Очень всё это было непонятно. И мальчишка этот, который, действительно, не падал с крыши, хотя никто не кричит так, просто споткнувшись. Но с крыши – или из окна третьего этажа – тоже не падают без явных последствий.

Она вдруг заметила у себя на пальцах следы краски, взяла тряпку, стала оттирать. Её охватила ярость.

– Я тебе покажу! – крикнула она, отбрасывая тряпку в сторону и снова становясь перед портретом. – Я тебе... Я тебе сейчас, – знаешь что? – глаза перекрашу в другой цвет. И нос сделаю картошкой! Понятно? И причёску другую...

А пальто – хочешь? – будет у тебя зелёное в малиновый горошек! И вообще, я сейчас тебя возьму и одним цветом замажу... – Света схватила первый попавшийся тюбик и замахала им перед портретом. – Вот этим, рубиновым, а?

– Не надо, – раздался негромкий голос. – Не делай этого.

Света застыла от неожиданности. Нет, голос исходил не от портрета. Это её вначале успокоило, а потом напрягло ещё больше. Голос был мужской. И в студии, кроме них, никого не было. Света медленно повернулась, готовая обороняться всеми известными и неизвестными ей способами и пытаясь вспомнить, запирали ли она за собой дверь.

– Ты это... не надо...

В дверях стоял тот же Андрей, ещё более перепуганный и ещё более красный, чем там, во дворе. И, конечно же, весь в снегу.

– Твоих рук дело? – спросила Света, всё ещё под властью недавней вспышки ярости и ещё не отойдя от испуга.

– Нет, – сказал Андрей. – Но ты... это... не трожь его, ладно? Только не спрашивай, почему... Ладно?

– Ладно, – машинально ответила Света, но тут же спросила. – А почему?

– Я же просил не спрашивать! – прошипел Андрей и, повернувшись, выскочил из студии.

– Дурак! – крикнула Света, стараясь, чтобы он услышал даже на лестнице. – Малявка!

Потом оглянулась на портрет.

Его не было.

Таня

Чт янв 26, 2012 1:47 am

Света медленно повернулась на каблуках вокруг собственной оси, внимательно оглядывая зал, как бы в надежде обнаружить пропавший предмет. Всё же самоперемечающиеся картины психологически были много легче для её понимания, чем картины самоисчезающие. Со стен и мольбертов на неё смотрели пейзажи и натюрморты, но ни одного, даже самого захудалого, портрета. Когда взгляд вернулся в исходную точку, девушка осознала окончательно – картина исчезла.

Света могла бы продолжить поиски – например, проверить, закрыты ли окна. Поискать под столом – не прячется ли там подлый похититель предметов искусства? Но она понимала, что это не поможет. Вместо этого она присела на первый попавшийся стул и стала думать, что же с ней происходит. Думать стала, как обычно, вслух.

– Итак, галлюцинации. Или шизофрения. Нет, все-таки, наверное, галлюцинации. Так лучше. Галлюцинации – это вам не шизофрения какая-нибудь. И, главное, лечится. Только вот что это такое? – Света взглянула на кончики пальцев, еще хранивших следы краски. – Тоже галлюцинация?

Света еще немного подумала, на этот раз про себя. И пришла к выводу, что следы краски нужно кому-нибудь показать. Какому-нибудь независимому эксперту, который сможет сказать, является ли это опровержением или доказательством лишения рассудка. Девушка медленно встала и пошла по направлению к выходу, осторожно неся перед собой руку, как бы боясь, что краска исчезнет. Она вышла, забыв выключить свет и запереть дверь. Забыв даже одеть пальто. С книжного шкафа вслед ей глядел бюст древнегреческого философа. В выпученных белках его глаз читался отнюдь не философский упрек по поводу небрежного отношения юной барышни к своему собственному здоровью...

...– Све-та! Светочка, очнись, наконец! Что случилось?! Почему ты в таком виде?!

Екатерина Васильевна стояла в дверях своей квартиры и трясла засыпанную снегом девушку.

– Вот! – торжественно сказала Света, протягивая ей ладонь. Она не помнила, как прошла два квартала и позволила в дверь.

Екатерина схватила Свету за протянутую руку и загатила девушку в прихожую, где засыпала новыми вопросами:

– Ты здорова? Может, вызвать скорую? Ты лучше сядь сюда. Вот так... Тебя ограбили? Сообщить в полицию?

– Ограбили? Нет, нет! – Света постепенно приходила в себя. – Моё пальто осталось в студии. Ой! Я ведь дверь не заперла!

И она вскочила, порываясь бежать обратно.

Но ей не дали этого сделать. В студию поехал муж Екатерины, а сама она стала отпаивать закоченевшую Светлану травяным чаем и слушать её бессвязный рассказ...

– Ну, как вы думаете, Екатерина Васильевна, сошла я с ума?

– Вовсе не обязательно. – Пожилая художница улыбнулась. – Знаешь, иногда с людьми происходят удивительные вещи. Хотя ты, Света, в них не веришь.

– А вы, Екатерина Васильевна? Вы в них верите?

– Да как тебе сказать... Но одну такую историю я знаю точно. Произошла она много лет назад и связана со старым домом, в котором находится наша студия. Вернее, с одним человеком, который в нём жил до революции.

– Расскажите, пожалуйста! – попросила Света, кутаясь в пушистый плед.

Colonel 100

Вт янв 31, 2012 11:55 pm

– Примерно в конце позапрошлого века жил в нашем городе необычный человек, – начала рассказ Екатерина Васильевна, – был он личностью весьма эксцентричной и даже загадочной. Люди считали его большим чудачком.

Звали его Аркадий Арсеньевич Белозёров. Был он одиночкой, коллекционером, ученым, путешественником и Бог ещё знает кем. Белозёров почти ни с кем общался, кроме нескольких очень близких друзей. Ни жены, ни родственников у него не было. Он был затворником и мог неделями не выходить из дома, просиживая в своём кабинете. Но иногда вдруг срывался с места и пропадал на много месяцев, а то и на год, уходил из дома, насвистывая что-то бодрое, рано, на рассвете, с небольшим походным рюкзаком и тростью. Никто не знал точно, где Аркадий Арсеньевич пропадал так долго, но возвращался он всегда переполненным свежими силами и идеями. Затем всё вновь возвращалось на круги своя. Аркадий Арсеньевич просиживал дома, выкуривая сотни сигарет и исписывая множество тетрадей, скорее всего, путевыми заметками, либо стихами, или, может, зарисовками по памяти мест, где побывал.

Те немногие, кому посчастливилось побывать в гостях у Аркадия Арсеньевича, рассказывали, что дом его походил не на обычное жилище, а, скорее, на какой-то музей. Там хранилось множество предметов, привезённых со всего света. Коллекции старинной керамики и оружия, музыкальные инструменты, манускрипты с иероглифами, выведенными чёрной тушью, фигурки из кости и цветные ритуальные маски обступали гостя, завораживали, вели свой, не каждому слышный и понятный, древний разговор. Но сам Белозёров, на удивление, был не особо словоохотлив, и не часто, совсем не часто баловал гостей историями о своих странствиях, всё больше отшучивался, переводил разговор на общие темы, молчал. Но одну историю он всё же рассказал, и её, эту историю, из уст в уста пересказывали друг друг друзья, знакомые и родственники, пока, наконец, мой дед не рассказал её мне.

– Светочка, ты не устала, может, потом продолжу? – спросила художница, подливая ещё чая.

– Нет, нет, – улыбнулась Света, – я согрелась и совсем не устала, очень интересно, продолжайте, пожалуйста!

Robinsus

Ср фев 01, 2012 11:30 am

– В нескольких километрах от города, – продолжала Екатерина Васильевна, – есть древняя крепость. Может,

ты знаешь – местные её зовут просто Крепостью, а в летописях она упоминается, как Белая Крепость.

– Знаю, конечно, – кивнула Света. – Мы даже в детстве туда пару раз лазили, когда на экскурсии были.

Екатерина Васильевна улыбнулась и кивнула.

– А ты знаешь, что, по некоторым источникам, её называют Крепость Над Озером?

– Там же нет озёр! – сказала Света, подумав.

– В том-то всё и дело. Когда-то, много столетий назад, на месте нашего города было озеро. А Крепость – не та жалкая полуразрушенная стеночка, а высокие неприступные башни из светлого камня, надёжные стены с зубчатым верхом, – возвышалась над озером... Ты пей чай, пей... И жили в Белой Крепости не простые люди, а – кто, ты думаешь?

– Инопланетяне? – спросила Света, поднесла было чашку к губам, чтобы сделать ещё глоток чаю, но та показалась ей ужасно тяжелой. Такой же тяжёлой, как и её голова. И веки, которые сами собой вдруг закрылись.

Она услышала взволнованный голос мужа Екатерины Васильевны, который уже вернулся – так скоро? – из студии.

– Катерина, что ты творишь? Зачем?

– Ничего. Утром она ничего и не вспомнит, – отвечал голос Екатерины Васильевны, ставший вдруг глубоким и сильным. – Это чай из позабудь-травы. Ты за портретом-то слетал?

– Слетал-слетал. И пальтецо ейное вот тоже прихватил... Следить надо за вещами, Катерина, а то по городу слухи поползут, не приведи господь. И позабудь-травой от них не спасешься...

– А Андрюша молодец, справился. А ты в него не верил, – с упреком произнесла Катерина Васильевна.

– Верил – не верил, – проворчал её муж. – Ты бы лучше чашку у девахи из рук взяла, кипяток же, а она уснула, поди, совсем...

Больше Света ничего не слышала, и снов ей никаких не снилось, и наутро она, конечно же, никак не могла вспомнить, как оказалась в студии и почему заснула прямо тут, на диванчике, прикрывшись своим пальто и подложив под голову сумку.

Таня

Сб фев 04, 2012 12:16 am

Но для Екатерины и её мужа события прошедшей ночи на этом не закончились. Ещё долго в их квартире горел свет, и шли разговоры. Прав был Иван, слухи ползли по городу, и на то были причины. Шила в мешке не утаишь, а уж необычных способностей – тем более. Сколько не осторожничай – всё равно, то один что-то заметит, то другой – ну, и пошли досужие разговоры. А тут ещё этот случай со Светланой. На этот раз позабудь-трава помогла, и девушка до конца жизни и не вспомнит, что же с ней произошло. Только если кто-нибудь специально не поможет ей вспомнить...

– Я вот одного не понимаю, кто же ей ключ дал? – задумчиво произнесла Катерина. – Получается, кто-то хотел, чтобы она раньше времени портрет увидела.

– Да, не ладное дело, – вздохнул Иван. – Видно, придётся всех наших на совет созывать. В одиночку такие дела не решаются. Действуй, Катерина!

Женщина достала из шкатулки кулон с небольшим белым камнем и внимательно посмотрела на портрет. Взгляд

нарисованной девушки был спокойным и одобряющим. Катерина зажала камень в левой руке и закрыла глаза. А когда через несколько минут она разжала ладонь, камень уже не был белым, он был прозрачным, а в самом центре плясали, будто живые, ярко-красные искорки.

– Кстати, Андрей, можешь уже не прятаться. – Голос Екатерины был уставшим и как-то сразу постаревшим.

В углу как будто распахнулся невидимый занавес, и из-за него шагнул Андрей.

– Я это... Хотел убедиться, что со Светой всё в порядке. А потом не знал, как уйти, чтобы вы не заметили.

– Да съели бы мы твою Свету, что ли? – проворчал Иван. – Это в её же интересах, ты знаешь.

– А что, я плохо сделал «заслон», очень было заметно? – поспешил переменить тему Андрей, доставая из кармана джинс искрящийся прозрачный камень, такой же, какой лежал на ладони у Екатерины, только поменьше.

– Нет, у тебя хорошо получилось. Но сделать «заслон» так, чтобы я его не заметила, может только Аркадий, – улыбнулась женщина. – И там, в студии, ты тоже быстро среагировал.

– Вот только телепорт ещё не совсем освоил, – с усмешкой сказал появившийся в комнате молодой человек, одетый в костюм покроя позапрошлого века. – Сегодня имел честь наблюдать ваш полёт, сударь.

Он встал с кресла, в котором только что так виртуозно материализовался, и сделал шутливый полупоклон в сторону Андрея. После чего опять развалился в кресле, закинув ногу на ногу.

– Всего на полтора метра ошибся, – буркнул Андрей.

– Значит, и ты был там, Дилан? – заметила Катерина, обессилена садясь на диван – И, как всегда, в роли стороннего наблюдателя?

– Сударыня! – Дилан опять вскочил с кресла, – события развивались так быстро, что я не успел вмешаться. Кроме того, как мне кажется, я был бы там третьим лишним.

Андрей не нашел достойный ответ и ретировался, направляясь к телефону:

– Мне надо домой позвонить.

«Значит, телепатию мы тоже не освоили?» – мысли Дилана застигли Андрея уже в коридоре.

«Отвали. Мои родители нормальные люди, воду из Белого Озера не пили» – также мысленно огрызнулся Андрей.

«Очень интересное мировоззрение. По-твоему, ненормальные мы, а не эти жалкие людишки со своими костылями-телефонами и прочей лабудой?»

«Оставь его в покое, Дилан», – в их мысленный разговор вмешался волевой голос третьего собеседника, доносившийся как-будто издалека, но не утративший своей силы. – «Сейчас не это главное».

«Аркадий?» – среагировала Катерина – «Судя по голосу, ты очень далеко. Сможешь поддерживать с нами связь?»

«Только пару минут. Слушай меня внимательно. Ситуацию в целом ты мне обрисовала, но чтобы принять правильное решение, нужно прибыть на место. А я сейчас никак не могу. Поэтому полностью доверяю тебе и твоему опыту. Моё мнение – слишком рано рассказывать всё Светлане, она ещё не готова. Но, похоже, другого выхода нет. В любом случае, не принимай решение, не посоветовавшись со всеми нашими».

Тем временем комната заполнялась вновьприбывшими людьми. В небольшой квартире стало тесно и шумно. Дилан, лишившийся объекта своих насмешек, который всё ещё прятался в коридоре, скучал. То снимая, то надевая

перстень, в котором искрился прозрачный камень, он вдруг произнёс, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Эта юная барышня на портрете всегда такая бука, или ей неприятно моё общество?

Теперь ясно было видно, что картина изменилась, и это не было игрой света и тени. Девушка на портрете в упор и зло смотрела на Дилана.

Robinsus

Вт фев 07, 2012 12:13 pm

Colonel_100 пропускает ход. Так что я продолжу.

– Все собрались, – обведя комнату взглядом, констатировала Катерина. – Можно начинать.

Описывать телепатическое совещание – занятие для простого смертного неблагодарное. Нельзя сказать, что дискуссия шла в виде обмена репликами. Как передать, например, оттенки эмоций, которые, как тени или как искры, или как туманное свечение, сопровождали каждый переданный смысл, намерение, вопрос?.. Как объяснить, почему мысли, как быстрые стрекозы или как дождевые тучи, или как уверенно взятый аккорд, или как поверхность сложной трехмерной фигуры, или как запах полевых цветов – смешивались в центре комнаты, боролись друг с другом, отталкивались или притягивались, составляли какие-то узоры или превращались в сгустки, мешанину?.. Скажем просто – собравшиеся не дискутировали в обычном смысле. Они просто думали вместе.

– Хорошо, – сказала, наконец, Катерина, освобождая свое сознание из общего клубка мыслей. – Решение принято. Дилан, я приятно удивлена тем, что ты больше не возражаешь. Андрей, извини, но ты в меньшинстве.

Результатом телепатического совещания было следующее...

Утро одного из последовавших дней.

Ни о чём не подозревающая (напоённая чаем из позабудь-травы – если вы ещё не забыли!) Светлана тряслась в автобусе, глядя в окно и невольно прислушиваясь к разговору двух женщин позади себя.

– Да я своими глазами видела, – говорила одна.

– Он, наверное, на тросе висел, – возражала другая.

– Ничего не висел! Летел, говорю!

– И крыльями махал?

– Какими крыльями! Вот как этот, как его, бэтмен, супермен который – от так кулак вперёд, и летит себе.

– Приснилось тебе!

– Да? А картошку я во сне жарила? Стою себе, жарю, посолила, в окно глянула – он летит. Молоденький такой, худой.

– Значит, не Карлсон.

– Не веришь, да?

– А вдруг он на тросе висел, а трос к вертолёту подвешен.

– Да зачем ему на тросе висеть – он так летел, безо всего.

– Гольный, что ли?

– Нет, в пальто. Или плащ это был.

– Слушай, да это, наверное, кино снимали!

– Кино?

– Ну да, кино.

Женщины немного помолчали, потом, видимо, успокоились на последней версии и сменили тему – теперь это были сложности вязания крючком.

«О чём только не болтают!» – подумала Светлана. –

«Надо же! Летающие люди...»

Ей показалось, что у неё под ухом кто-то хмыкнул. Она повернула голову, но место рядом с ней было свободно. Тётяшки сзади продолжали увлечённо делиться секретами мастерства.

Света пожалала плечами и стала опять смотреть в окно. Внезапно ей показалось, что кто-то лезет в сумку. Несмотря на то, что рядом с ней по-прежнему никого не было, Светлана ойкнула и рефлекторно дёрнула сумку к себе. Что-то звякнуло, и на колени ей из расстегнувшегося кармашка выпал ключ от студии с брелком-смайликом.

«Откуда он у меня?» – подумала Света. – «Ничего не понимаю...».

Таня

Ср фев 08, 2012 2:32 am

«Ничего не понимаю и ничего не помню».

– Это не удивительно – произнёс рядом чей-то голос.

– Ой, кто это? – прохрипела Света. Прохрипела – потому что сказало беганье без пальто при минус 20.

– Андрей.

– Какой Андрей? Не помню.

– Не важно. – Андрей снял шапку-невидимку и явил миру свое обшелушенное красное лицо с фингалом под глазом.

Автобус, дёрнувшись, остановился, и в него вбежал Дилан в сапогах-сорокодах.

– Уф, еле догнал! А меня послали следить за тобой! Сказали, что ты ключ у Светки спереть не сможешь! Ага, так и есть! Прав был старый хрыч!

«Я, между прочим, все слышу!» – возник в голове голос Аркадия – «И не такой уж я старый! Всего лишь в позапрошлом веке родился».

– Опаньки! А чё у тебя с рожей?

– А ты, блин, когда-нибудь пробовал, как Бетмен, летать при таком морозе?!!

– Это он! Он летал! – вдруг закричал одна из женщин. Она кричала так пронзительно, что пара стёкол в автобусе вылетела.

– О, ради бога, успокой её, Дилан! – простонал Андрей и закрыл уши руками.

– Тебе надо, ты и успокаивай, – Дилан пристроился возле выбитого окна и закурил, выпуская в него дым. – А мне воспитание не позволяет.

Женщина продолжала кричать. Стёкла продолжали вылетать. Вскоре не осталось ни одного целого окна, кроме окна с надписью: «Запасной выход. При аварии выдавите стекло».

Помощь пришла, откуда не ждали. Сидевшая рядом женщина достала из сумки вязание и протянула подруге.

– Это успокаивает, – сказала она.

Кричавшая женщина замолчала и принялась вязать шарф.

– Свет, слышь, Света! – с тоской в голосе произнёс Андрей – Когда они закончат издеваться над нами?!

Девушка не отвечала.

– Свет, ты чего, оглохла?

– Ась? Вы мне, молодой человек? – Света с трудом повернула шею, болевшую от неудобного лежания на диване в студии.

– Ну, да!

– Меня не Света зовут.

– А как? – обалдел Андрей.

– Не помню.

– Старуха, видно, с дозой перестаралась, – хихикнул

Дилан. – И у нашей барышни крыша поехала. И ещё, у неё по ходу синдром Дориана Грея. Вот, портретик-то её разговаривает!

Дилан снял с головы цилиндр и достал из него портрет.

– Да, да! – подтвердил портрет – А ещё я умею ушами шевелить. Вот так.

На очередной остановке дверь автобуса открылась, и в неё вбежал парень, одетый, несмотря на мороз, в майку без рукавов и шорты.

– Как?! Я не понимаю, как можно не любить меня?! Меня, такого красивого и талантливого?! – закричал он Свете.

– Ты кто?

– Я Дима Билан! А давайте, я вам лучше спою!

– Нет, нет, сударь, не стоит! – запротестовал Дилан, подхватил Билана под руку и вывел из автобуса. – В другой раз как-нибудь!

Возвращаясь на своё место, он запнулся за шарф, который вязала истеричная женщина. К тому времени шарф уже достигал порядочной длины и обвивал весь салон автобуса по периметру два с половиной раза.

– Всё! Мне уже этот маразм надоел! – вдруг заявил Андрей, нервно грызя ногти. – Я предпринимаю решительные действия!

– Давай, валий! – обрадовался Дилан. – А то скучно.

– Значит так. Я беру вас всех в заложники. А требования свои я изложу письменно. – Андрей оглянулся в поисках того, на чём и чем можно было писать, но ничего не нашёл.

– Свет, у тебя ручки и бумаги не найдётся?

– А? Что?

– Оставь эту дуру в покое. На, лови! – сказал портрет и кинул Андрею помаду. – Писать можешь на мне, с обратной стороны.

Вот что написал Андрей:

«Требуя снять с меня обязанности супермена!»

Таня

Ср фев 08, 2012 2:33 am

Затем он подошёл к водителю и сказал:

– Разворачивайте автобус, едем за город.

Водитель сделал поворот оверштаг и в крутом бейдевинде поехал по встречной полосе. Офигевшие гаишники включили мигалки и ринулись в погоню. Однако вскоре их сбило морской волной, а особо настырных успокоили пушечные ядра. Канониром при этом был Дима Билан, который всё-таки умудрился пролезть в автобус. Море бушевало всё сильнее, и иногда, вместе с солёными брызгами, в разбитые окна автобуса влетала мелкая рыбёшка.

Света что-то неразборчиво прохрипела и зашлась кашлем. После нескольких попыток, в перерыве между приступами кашля, ей удалось спросить:

– Где мы?

– Понятия не имею, – почесал репу Андрей. – Как думаешь, Дилан?

– В Лондоне.

– Почему?

– А я оттуда родом.

– Да? А по-русски хорошо шпаришь. Ты не шпион часом?

– Што ви говорит? Моя твоя не понимает.

– Если мы в Лондоне, автобус должен быть красный и двухэтажный, – рассуждал Андрей. – Я вижу дыру в потолке, но не уверен, что это второй этаж. Чувак, а ну глянь, автобус снаружи красный?

Дилан попытался высунуть голову в окно и посмотреть на автобус со стороны, но отказался от этой затеи.

– Не могу. Вода в морду заливает. А давайте у водителя спросим. Excuse me, sir, could you tell me where we are please?*

– ¡Ah ti el perro inglés! – прорычал водитель. – ¿Cómo has penetrado a mi barco? ¡Responde, el perro sucio! ¡De otro modo cortaré a tú la garganta el sable!**

– Нет, это, наверное, не Лондон, – попятился назад Дилан.

– А почему стало так темно? – вдруг спросил портрет.

– Это шарф. Он занял слишком много пространства, и закрыл собой окна. Ну, по крайней мере, хотя бы вода не заливает.

Вдруг автобус остановился.

– Что случилось?

– Мы, кажется, застряли в сугробе. Видишь ли, зима решила к Новому году украсить землю, но, видно, не смогла остановиться вовремя!

– Надо бы выйти и расчистить дорогу...

– Да, но как-то неохота. К тому же шарф мешает, он забил собой весь проход. Давайте лучше поспим немного?

Автобус стоял посреди леса, его уже занесло снегом по крышу, а внутри него тёплый уютный шарф образовывал кокон – в нём сладко спали люди. Только один раз Света проснулась – ей показалось, что она слышит звон колокольчиков и весёлую песню. И тут она, наконец, вспомнила кое-что очень важное.

– С Новым годом! – сказала Света, вновь погружаясь в сон.

К о н е ц

Иллюстрация С.Арменян.

*Пардон, милостивый государь, а не подскажете ли, где мы сейчас находимся, будьте так любезны! (почти дословный перевод с английского)

**Ах ты, английских собак! Как вы проникли моей лодке? Ответ, грязная собака! В противном случае вы будете резать горло на меч! (перевод с гишпанского в версии Гугл-переводчика)

XX ВЕК

Леонид ТУБАНОВ

(20.07.1946, Москва — 08.09.1983, Москва)

Б. Кучер. Набросок портрета Л. Губанова.

Писал стихи с детства, в 1962 поступил в литературную студию при районной библиотеке, несколько стихотворений были опубликованы в газете «Пионерская правда». Тогда же увлёкся футуризмом и создал неофутуристический журнал «Бом», вместе с друзьями провёл несколько поэтических выступлений в московских школах. Затем поступил в литературную студию Московского дворца пионеров.

В 1964 Евгений Евтушенко помог напечатать отрывок из поэмы Губанова в журнале «Юность» (это была его последняя прижизненная публикация в советской прессе).

В начале 1965 вместе с В. Алейниковым, В. Батиевым, Ю. Вишиневской, Ю. Кублановским и др. участвовал в создании независимого литературно-художественного объединения СМОГ. Стал одним из авторов его программы, устроил на своей квартире «штаб» СМОГа. Первый поэтический вечер объединения состоялся в феврале 1965 в одной из московских районных библиотек. Весной 1965 стихи Леонида Губанова были опубликованы в трех самиздатских поэтических альманахах: «Авангард» («Журнал авангарда левого искусства»), под редакцией самого Губанова, «Чу!» и «Сфинксы». Всегда декларировал своё отвержение к митингам и коллективным массовым действиям, воспринимался друзьями как «камерный» поэт. Тем не менее, именно по его предложению СМОГ 14 апреля 1965 провёл знаменитую демонстрацию в защиту «левого искусства», а 5 декабря 1965 Губанов принял участие в «митинге гласности» на Пушкинской площади (возможно, потому, что одним из требований было освободить двух смогистов, задержанных за участие в подготовке митинга). Вскоре Губанов ненадолго был госпитализирован в психиатрическую больницу общего типа, где у него потребовали

показаний против А. Гинзбурга: в июне 1966 тот передал Губанову вырезки из зарубежных газет о СМОГе. И Гинзбург, и Губанов подтвердили факт передачи — получения материалов, этот эпизод фигурировал на «процессе четырёх». Родителей Губанова вызвали в горком партии, где предупредили, что их сын будет арестован, если не прекратит выступать со стихами. В конце 1966 СМОГ практически прекратил существование. В дальнейшем Губанов не принимал участия в официальной литературной жизни. Общеобразовательную школу оставил после девятого класса, учился недолго в вечерней художественной школе, но не закончил её. На жизнь зарабатывал неквалифицированным трудом (был пожарным, фотолaborантом, почтальоном, грузчиком). Читал свои стихи на собраниях молодых непризнанных поэтов и художников — в их квартирах и мастерских. Произведения Леонида Губанова — перепечатанные и в магнитофонных записях — широко ходили в самиздате. Многие из них были положены на музыку и часто исполнялись бардами. В 1966 журнал «Грани» напечатал подборку стихов смогистов. С этих пор Губанова стали публиковать в западной периодике, включать в антологии неподцензурной русской поэзии. Умер, как и предсказал в своей поэме «Полина», в возрасте тридцати семи лет.

РУССКАЯ КЕРАМИКА

Есть где-то земля, и я не боюсь её имени,
Есть где-то тюльпаны с моей головой и фамилией,
Есть где-то земля, пропитанная одышкой,
сестра киселя, а душа — голубеющей лдышкой.

Есть где-то земля, пропитанная слезами,
где избы горят, где чёрные мысли слезают
напиться воды, а им подают лишь печали,
есть где-то земля, пропитанная молчаньем.

Есть где-то земля, которую любят удары
и ржавые оспы, и грустные песни-удавы...
Есть где-то земля, которую любят пожары
и старые ритмы, и новые пьяные шары.

Есть где-то земля, пропахшая игом и потом,
всегда в синяках, царапинах и анекдотах.
На пьяную юбку она нашивает обиды,
и только на юге её украшенья разбиты.

Есть где-то земля, как швея, как голодная прачка.
День каждый её — это камень во рту или взбучка.
Над нею сменяются, когда поднимается качка,
цари не целуют её потемневшую ручку.

Есть где-то земля, как Цветаева ранняя, в мочках,
Горят пастухи, да разводят костёр кавалеры.
Есть где-то земля, как вино в замерзающих бочках —
стучится вино головою, оно заболело!

Есть где-то земля, что любые предательства сносит,
любые грехи в самом сердце безумно прощает,
любые обиды и боли она переносит,
и смерти великих, как просеки — лес, её навещают.

Есть где-то земля, и она одичала, привыкла,
чтоб лучших сынов застрелили, как будто бы в игры
играли, уволив лишь жалость, плохую актрису,
и передушили поклонников всех за кулисами.

Есть где-то земля, что ушла в кулачок даже кашлем,
и плачет она, и смеётся в кустах можжевельника.
Есть где-то земля с такою печалью — нет краше.
Нельзя так сказать, помилуйте, может, не верите?

Есть где-то земля, и я не боюсь её имени,
есть где-то земля, и я не боюсь её знамени,
последней любовницей в жизни моей, без фамилии,
она проскользнёт, и кому-то настанет так завидно.

Есть где-то земля, и я не боюсь её грусти,
от соли и перца бывает, однако, и сладко,
есть где-то земля, где меня рекламируют гуси,
летающие к богу на бледно-любую лампадку.

И я сохраню её почерк волшебного хрустящий,
и я сохраню её руки молочно-печальные,
на всех языках, с угольком посекундно гостящий,
я знаю, я знаю — одна ты меня напечаешь.

И, замаскировав слезу,
Опять сосновые салазки
Куда-то Пушкина везут.
Не пахнет мясом ли палёным
От наших ветреных романов?
И я за кровью Гумилёва
Иду с потресканным стаканом.
В моём лице записки пленника
И старый яд слепой тоски.
В гробу рифмуют кости
Хлебникова
Лукавых строчек колоски.
Но от Москвы и до Аляски,
Когда поэты погибают,
Ещё слышнее ваши пляски,
Ещё сытнее стол с грибами.

СОН

Детское

Моя запятая на плахе,
Отлетит её голова.
В белой придут рубахе
Ласковые слова.
Чёрен, да понедельник,
Красен, да не четверг,
Голуби улетели
Склёвывать всех чертей.
В школьнице – Лаперуза.
В коннике бирюза
И Робинзона Крузо
Ласковые глаза.
Меч о траву он вытер
Строчек моих, как шёлк.
Я это сам увидел,
Кровь на цветах нашёл!
Всадник! Спаситель! Ночки –
Вместе с тобой пропьём.
Ни запятой, ни точки.
Скачем вперед вдвоём.
Голуби, залетая,
Весточку мне вернут.
Мир тебе – запятая,
Съевшая пять минут!

P.S. Царство тебе. Но бездное.
В бездне вам пропадать.
Участь моя небесная –
В радости лопотать.

* * *

Я сам изгой – но не предатель.
Куда я убегу? Зачем?
Прошу! Спаси меня, Создатель,
от суеты любых систем!

Ключи развесив по карманам,
я поднимаюсь на чердак
лишь потому, что я Губанов,
а значит, мне милей чудак...

А чудакам закон, известно,
не писан. Значит, не беда.
Усевшись в бархатное кресло,
диктует мне сонет звезда.

Венок на голову примерю,
луну в окошко заманю,
не буду поклоняться Зверю,
изверюсь, но не изменю

Афине, Бешеной Палладе:
зевающего Зевса дочь
опять в разорванном халате
со мной, со мною в эту ночь!

Я заварю покрепче чаю
на горьких веточках олив
и Мудрость сладкую с печалью
впущу, окошко отворив!

ОСЕНЬ

Владимиру Алейникову

Здравствуй, осень – нотный гроб,
желтый дом моей печали,
умер я – иди свечами.
Здравствуй, осень – новый грот!

Если гвозди есть у баб –
пусть забьют, авось, осият.
Вот и кончен день забав,
ноги душу относили!

Этот вечер мне не брат,
если больше в дом не принял,
этот вечер мне не брат
за узду седого ливня...

За крутую гору дня
переваливает горе –
дайте синего коня
на оранжевое поле!

Дайте неба и травы,
чтобы мне бы наглядеться...
Дайте капельку повить
молодой осине сердца!

* * *

Сиреневый кафтан моих обид...
Мой финиш сломан, мой пароль
убит.
И сам я на себя немного лгу,
скрипач, транжир у поседевших
губ.

Но буду я у родины в гостях
до гробовой, как говорится,
крышки,
и самые любимые простят
мой псевдоним, который стоит
вышки.

Я женщину любимую любил,
но ничего и небосвод не понял,
и сердца заколдованный рубин
последнюю мою молитву отнял.

Гори, костер, гори, моя звезда.
И пусть, как падший ангел, я
расстрелян,

Но будут юность в МВД листать,
когда стихи любовницы разделят.
А мне не страшно, мне совсем
светло,
земного шара полюбил я шутки...
В гробу увижу красное стекло
и голубую подпись забудки!

САВРАСОВ

Кружок кровавой колбасы,
За три копейки склянка водки.
Обледенелые усы
И запоздалый взгляд кокотки.
От сумерек сошли с ума
Усталых рук твоих развалы,
И лишь картежница-зима
Сквозь снег тасует – тройки, пары.
Пургой обмятый, ты без чувств
В сугробов падаешь бумаги,
Где теплые глаза лачуг,
Как проститутки и бродяги.
От замороженной руки
Струится пар в тепле ночлежки,
И ворон делает круги,
И вечер раздаёт насмешки.
Ты наливаешь водки – в штоф,
Потрескавшийся, как окошко.
И хорошо вам было чтоб,
Вы напиваетесь с ним в лёжку.
Лишь сердца – трепетный паром
Подрагивает в сонном теле.
Не вспоминай же о былом,
Как церковь рисовал пером,
Когда грачи не прилетели!

* * *

Я – Дар Божий, я дай Боже
нацарапаю,
Улыбнутся вёты: на царя, поди?
И заплачут: берег наш любимый,
И за плечи белые обнимут.
Скоро тёплый ливень красных
губ –
Подставляй лицо, гори под струями
И твори, лепи себя, как в студии –
Скоро-скоро тёплый ливень губ.
Скоро, одиночеством запятанный,
Я уйду от мерок и морок
Слушать зарифмованными пятками
Тихие трагедии дорог,
Замирать и бить в ладоши с гусем,
Ждать, когда же, наконец, от горя
Пастухи, беременные Русью,
Стадо слов к моим устам погонят.

* * *

Дай нам Бог с тобой поссориться,
Как цветам в одном кувшине.
Если ландышам позволится,
Значит, лилию ушибли.
Нажимают на басы
Наши гордые столетья.
С воскресением босым

В сапогах эпоху встретил.
Горько тянутся кресты
Поцелуйного Арбата.
Мостовые да бинты –
Вот чем родина богата.
Милый мой, уйди от гроба
Той надежды... или дара.
Лучше ты пощупай рёбра
Стыдно брошенной гитары.
Ах, зачем в кануны волка,
Чёлки вдовам поджигая,
Наши астры пахнут водкой
И чужими кошельками.
Если мы тут ни при чём,
То кого винить осталось –
Чудный чарам чёрный чёлн
Или одинокий парус?

* * *

Я появился, удивился –
пришло поветрие молчать,
пока за рюмкой яд укрылся
весёлых королев качать.
Не мне спешить и шухариться,
а мне влюбляться, тормошить,
с бубновой яблоней мириться,
а с чёрной вишней вместе жить.
На мой ремень ложатся сплетни –
кого до боли затянул,
двойник моей красивой смерти,
ты снова тянешься к вину.
Но я из той седьмой породы,
которая поверх замков –
звонарь отпущен на свободу,
и, проклиная непогоду,
гудят все сорок сороков.

Я – подмосковный сизый день,
я открываю ваши церкви,
я разрываю ваши цепи
и целоваться мне не лень.
Целую облако и лес,
цветок в бокале, потаскуху.
Шепну жене: «Христос воскрес!»
и «Я с тобой!» – Святому Духу!...

* * *

Я сослан к Музе на галеры,
Прикован я к её веслу.
Я стал похож – на символ веры,
На свежий ветер и весну.

И загорелым телом каясь,
Я налегаю на весло –
Я вас люблю и улыбаюсь,
Что мне чертовски повезло.

Что в синеве такой бурной
Ей по душе мой тяжкий труд,
Где розы – алые карманы –
И наголо обритый Брут.

Что ни гвардейцы, ни уланы,
А только потные рабы
Сквозь непогоду и туманы

(Сквозь неохоту и обманы)
Выводят на маяк судьбы!
Я вырван из когтей дракона,
Как из похабных риз – икона.
Недолго был я под пятой
И я теперь гошу у трона,
У обнажённой, как Юнона,
Своей красавицы святой!..

* * *

Набат! Почём огонь?
Арбат! Почём слеза?

На бал, как чёрный конь,
горячие глаза
выносит, как кудряв! –
пророк или пиит?
Малиновый футляр
придуманных обид.

Был Александр пацан,
стал Александр мужик,
до колеса Творца
есть колесо – ушиб.

Колесовать, весна! –
холоднооких двух,
шаркни ногой, казна
переодетых дум.

Маменька, не дурей,
мой холодильник пуст,
как ветчина – дуэль –
сало для лишних уст.

Выйду я на крыльцо
месяцу подмигну,
бронзовое лицо
в облако заверну!!

МУЗЕ

Ты, как всегда, мне не дала
Ни петь, ни плакать, ни смеяться.
Ты раздевалась догола,
Чтобы любить и отдаваться.
И слышно песню за стеной
Иль заливчатский звон бокалов.
Побудь со мной, побудь со мной,
Ты как в Путивле – лепетала.
В мир не ходи, там – грязь

и смерть,
Он всё предаст и всё разрушит,
Он до сих пор бросает сеть
Зловонную на наши души.
И с лицемерьем паука
Он день и ночь мотает нити.
Вам не хватает дурака,
А вы вон в зеркало взгляните!
Вот пуля вам, петля и нож,
Гореть вам пламенем тем синим.
А я-то не из ваших рож,
Я – лик измученной России,
И сколько сил мне дал Господь!
И сколько он отмерил жизни,

Бессмертная познает плоть
Прижавшейся ко мне Отчизны,
Я – меч поднял, я, как скала,
Неумолим, и буду драться.
Ты, как всегда, мне не дала
Ни петь, ни плакать, ни смеяться!..

НАКАНУНЕ

Я помолился голубейшим ликом
о том, что скоро побелеет локон,
и смерти испугается свеча,
узнав, как тают по священным
книгам
ученики любимейшие Бога,
и в тюрьмах сыновья его мычат.
И в небесах непоправимо пьяных,
и в небесах непоправимо пленных
я таинство последнее узнал –
о том, как люди поздно или рано
начнут, вскрывая ангельские вены,
выпрашивать прощение у зла.
Заплачет камень, затвердеет
полдень,
и шар земной, похожий на золу,
заставит повторить великий подвиг
того, кого в стихах не назову.
И род людской, себя продавший
трижды,
освобождённый только в облаках,
благословит виновника сей тризны
и собственную кровь нальет
в бокал.
Сощурился глаз оранжевый, заря
скользнёт по леденящим мёртвым
спискам,
и на ремне последнего Царя
к нам приведут слепого василиска.
По всей земле предчувствую
костры,
в заборах – человеческие кости,
и на церквях – не русские кресты,
а свастику отчаянья и злости.
И паюсной икрой толпа лежит,
и по сигналу можно только
хлопать,
миллионы их, но ни одной души,
и проповедь свою читает робот!

* * *

И локонов дым безысходный,
И воздух медовый и хладный.
Ты стала свободной, свободной,
Ты стала – желанной, желанной.

И утро в атласных жилетах
Прелестных своих перелесков.
Ты стала – заветной, заветной
Царицей моей поднебесной.

Мы, правда, любили немало,
Мы, правда, забыли немного.
Как солнце, меня обнимало
Сияние тёплое Бога.

Душа твоя – вечное эхо,
А плоть – та и родины дальней,
Белей гималайского снега
И тайны хрустальной хрустальной.

Устали, а может, простили
Те ночи, где, словно играя,
Мы каждое слово крестили
И каждую мысль раздевали.

И было и сладко, и чудно,
И радости новой не чая,
Блаженные губы почуяв,
Мы огонь низводили очами.

И локонов дым безысходный,
И я за столом бездыханный,
Но рукопись стала свободной,
Ну что ж, до свиданья, Губанов!

* * *

Родина, моя родина,
Белые облака.
Пахнет чёрной смородиной
Ласковая рука.
Тишь твоя заповедная
Грозами не обкатана,
Высветлена поэтами,
Выстрадана солдатами.
Выкормила, не нянчила
И послала их в бой.
Русые твои мальчики
Спят на груди сырой.
Вишнею скороспелую
Вымазано лицо.
Мальчики сорок первого
Выковались в бойцов.
Бронзовые и мраморные
Встали по городам,
Как часовые ранние,
Как по весне – вода!
Что по лесам аукают
Бабушки из невест?
Вот запыхались с внуками,
Памятник – наперерез.
Имени и фамилии
Можете не искать,
Братски похоронили
Ягоды у виска.
Кто-то венки оставил,
Может быть, постоял.
Кто-то опять прославил
Звёзды и якоря.
Знай же, что б ты ни делала,
Если придёт беда,
Мальчики сорок первого
Бросятся в поезда.
Сколько уж ими пройдено?
Хватит и на века!
Родина, моя родина,
Чистые берега!

* * *

Мы идём с тобой низами,
Дивный друг мой Низами.

Я с подбитыми глазами
Вечность взял себе займы.
По карманам мелочь тужит,
Как бы мне помочь в тиши,
Не спасайте наши души,
Не спасайте наши души,
Потому что нет души.
Потому что есть лишь воля,
Сердца дрогнувшая власть,
Потому что в чистом поле
Мне, как волку, не упасть
И в грязи не пачкать лапы.
Господи! Когда любил,
Никого я не царапал
И в бессилье слёз не лил.
И своих любимых вздорных
Не валил я на кровать,
А хотел лишь, как икону,
Их в плечо поцеловать.
Так целует грешник в страхе
Ножки стёртые – мадонн,
Изнывая, как на плахе,
Когда совесть бьют кнутом.
Подо мной земля не гнётся,
Подо мной она – горит.
Милый друг! Я жгу, как солнце,
Плавлю мрамор и гранит.
Мы идём с тобой низами
Нашей бронзовой семьи,
И моих друзей слезами
Смоет смерть моя с земли.
Как ненужных, как недужных,
С кем я пил и глотку драл,
С кем я слов своих жемчужных
Никогда не продавал.
Кто останется в послушных,
Вспомнит про мои грехи.
Не спасайте ваши души,
Не спасайте ваши души,
А спасайте лишь стихи!
Подо мной земля не гнётся,
Подо мной она – горит.
Ухожу я, словно солнце,
Ад не принял, Рай – смеётся,
Может, Бог и сохранит!..

ПАМЯТНИК

В. Высоцкому

Стихами обессмертив Русь
И телом землю обогрев,
Я в пурпур чёрный завернусь,
В последней неге заалев.
Меня хоронят всей Москвой
С великой болью и тоской,
Не будет у меня Ланской,
Звони в колокола, Донской.
Торжественно, как на духу,
Я прочитал вам по стиху,
По строчке каждому крещёному,
Всё мне простившему
– прощённому.

Генрих САПГИР (<http://www.rvb.ru/np/publication/01text/15/01gubanov.htm>)

В середине 60-х в нашей компании (...) появились странные, сильно пьющие мальчики-поэты: Леня Губанов, Володя Алейников, Юра Кублановский и с ними еще полтора десятка мальчиков и девочек, всех не упомнишь. Хотя среди тех, кого я не помню, был и Саша Соколов, впоследствии замечательный писатель. Главным, вожакom был Леня Губанов – поэт с совершенно ясными голубыми с сумасшедшинкой глазами и челочкой под блатного. Стихи были яркие, выразительные, с очень смелыми образами, что называется имажистские. (...) Губанов кочевал из одной мастерской и кухни в другую мастерскую и кухню, по ранним московским салонам и всюду читал свои стихи с огромным успехом. Новое литературное течение уже просматривалось, но имени не имело. Надо было его срочно придумать. Помню, сидели мы у Алены Басиловой, которая стала потом женой Губанова, и придумывали название новому течению. Придумал сам Губанов: СМОГ. Самое Молодое Общество Гениев, Сила, Мысль, Образ, Глубина, и еще здесь присутствовал смог, поднимающийся с Садового Кольца нам в окна. (...) Мне нравились эти поэты, что не прошло для меня даром и имело последствия.

Вместе с Володей Батшевым Губанов организовал первую демонстрацию под окнами Союза писателей СССР. Ребята торжественно пронесли плакаты с сатирическими надписями. В туалет Дома литераторов забросили кусок негашеной извести. В общем, разразился скандал. А на меня в Союз писателей был подан донос, где в числе других моих прегрешений (вроде «не наш человек») сообщалось, что я – не кто иной, как «фюрер смогизма». Как будто это такое еретическое учение «смогизм». Естественно, меня исключили из Союза писателей (а приняли буквально накануне).

Леонида Губанова не печатали. Не печатали, несмотря на то, что стихи его нравились Евтушенко и другим маститым поэтам. Среди всего этого мелькания и кружения он был, как понимаю, совершенно одинок. И в 37 лет, как и предсказал себе в стихах – «рамка 37 на 37», – погиб. Нет, не умер – погиб.

Константин КЕДРОВ. Непокоренный гений («Известия»). 18.11.1994)

(...) Его называли Есениным 60-х, сравнивали с поэтическим ангелом Франции Артюрoм Рембо, называли прямым преемником раннего Маяковского. Всё это в равной степени

верно и в равной степени далеко от музыки Губанова. Интуитивный гений, «enfant terrible», культовая фигура московской богемы. «Образцовая» поэтическая судьба: пьянство, дурдом, смерть в 37 лет. (...) Игорь Дудинский назвал Губанова великим собутыльником эпохи (...) Губанова нельзя читать. Его надо кричать. И он выкрикивал свои строки, как молитвы, как заклинания, по традиции московских юридических, не заботясь о связи слов. Но, как понимала Москва своих святых и юридических, так поняла она своего поэта. Мы все знали тогда и знаем сейчас, что Лёня обладал настоящим пророческим даром.

Петр ВЕГИН. «Самое молодое общество гениев» (из романа-воспоминания «Опрокинутый Олимп». М. Центрполиграф. 2001)

(...) Передо мной стоял смущённый, очаровательный отрок, именно отрок, а не юноша, ибо его синеглазость была рублёвско-сказочной, которая если и сохранилась ещё, так это в далёких северных деревнях.

«Это я, Лёня Губанов», – произнёс он, шаркая ногами по половику, хотя на улице было сухо. На вид ему было лет 16, но оказалось, что уже 18 – большая разница...

«Полина, полынья моя...» – начал читать Лёня, и с первых же строк, возможно, не во всём точных, но безумно искренних и красочных, он очаровал меня... Ему нравилось читать – и это было приятно. Нельзя было не очароваться этим мальчиком, более всего похожим тогда на незатейливую внешне, но неповторимую и волшебную деревянную церквушку в какой-нибудь, забытой людьми и Богом, русской глуши...»

Лев АННИНСКИЙ. «Втайственном бреду» («Дружба Народов». 2009. №7)

Через четверть века после смерти Леонид Губанов наконец-то был впущен в историю отечественной словесности: написанное им извлечено из столов, снято с черновиков, вычитано из папиросных сколков самиздата. Все собрано, издано тысячными тиражами, брошено в читающую публику. Семисотстраничный том сопровождается высказываниями виднейших и скандальнейших сподвижников. И еще 300-страничный том избранного добавлен. В общей сложности – две с лишним тысячи поэтических строк. При жизни опубликовано – 12. Двенадцать строк. И те со скандалом.

Эмоционально эта история полна горечи и сладости. Поэт Петр Вегин, имеющий вкус к рискованным предприятим, соображает, кому бы пока-

зать губановские стихи; среди корифеев «шестидесятничества» (а дело происходит в 1964 году) он находит такого виртуоза подтекстов, мастера редакционных уловок, аса лавирования среди цензурных барьеров и покровителя молодых талантов, как Евгений Евтушенко (все эпитеты – вегинские). Ас соглашается: «Пусть приносит». Стихи принесены в журнал «Юность»... В журнале еще не выветрился пьянящий дух катаевских времен (дух «мовизма», как трезво шутил сам Катаев), однако на лишние неприятности здесь теперь не напрашиваются: Борис Полевой тщательно взвешивает публикации. Евтушенко идёт к нему и целый час читает вслух Губанова. Как член редколлегии, курирующий в журнале поэзию, Евтушенко предлагает его в номер, посвященный дебютантам. Полевой и Преображенский приходят в ужас: стихи не лезут ни в какие ворота (даже либерально «мовистские»). В публикации отказано. Евтушенко заявляет, что в таком случае он выходит из состава редколлегии. Сторговались, отбирают 12 строк. Хотя и отмеченных дерзостью, но более или менее проходимых:

«Холст 37 на 37. Такого же размера рамка. Мы умираем не от рака и не от старости совсем! Когда изжогой мучит тело, нас тянут краски, тёплой плотью. Уходим в ночь от жен и денег на полнолуние полотен. Да, мазать мир! Да, кровью вен! Забыв болезни, сны, обеты и умирать из века в век на голубых руках мольберта.»

Всё бы сошло, но мгновенно отключается главный сатирический журнал страны “Крокодил”:

«Снилось Северянину что-нибудь подобное? Не случилось. Не тот век. Не те сны. Это могло присниться только в наши ночи. Только нашему Лене Губанову, 1946 года рождения. Ученику 9-го класса нашей школы. Вот и выходит, что не гений был Игорь Северянин. Далеко не гений.»

Умнее всех реагирует сам Губанов: укус «Крокодила» сулит куда больше, чем обручение с «Юностью». Надо же знать тогдашний образ жизни! Не успевает разнестись по советской печати сигнал к травле, как в дело включаются «вражьи голоса»: стихи идут в эфир, прорываются сквозь треск глушилок, Губанова напоминает вся диссидентская рать, и он мгновенно становится героем дня. В смысле – героем зарубежных голосов. Переоценивать эту репутацию не следует. Наиболее проникательный знаток поэзии Губанова (и его характера) Владимир Бондаренко с уверенностью утверждает, что рано или поздно Губанов, окажись он «там», разругался бы и с западными покровителями: «на-

бил бы кому-нибудь морду и был бы отправлен в американскую тюрьму». В тюрьму его не отправили и на родине (отправили в психиатричку к Кащенко). На родине, по наблюдению того же Бондаренко, Губанов не был своим ни у либералов, ни у патриотов, он был «вольным русским поэтом». То есть самоотверженно-отверженным. То есть затравленным гением. Слово «гений», в сущности, под сказано «Крокодилом», иронически поставившим в эпиграф строку Северянина: «Я – гений...» Может, Губанов не подхватил бы его, но нашла коса на камень. Извлечь из этой ситуации ореол, одновременно победоносный и мученический, не сумел, кажется, никто из его ровесников. А он еще и в атаку их повёл. Собрав отверженных в могучую кучку, объявил себя и несколько своих друзей «Самой Молодой Организацией Гениев». Либеральная оттепель 60-х ещё не подернулась ледком подступающих заморозков, да и от Организации несет полузабытой проломной саморекламой 20-х годов; СМОГ – это в расшифровке – для разумного начальства: Смелость, Мысль, Образ, Глубина. Для соратников по безрассудному бунту – клич: кто СМОГ, тот выиграл... (а для себя: «Я прошипел сквозь смог рассвета»).

Юрий МАМЛЕЕВ. Из предисловия к книге стихов Леонида Губанова «Я сослан к Музе на галеры...» (М. Время. 2003)

(...) То, как он читал свои стихи – потрясало до самых первоисточков вашего существования. Думаю, по мощи воздействия это было сравнимо с тем ошеломлением, когда читали свои стихи Есенин и Маяковский. Я не случайно назвал эти великие имена: еще при жизни Губанова многие говорили, что его поэзия совмещает в себе черты творчества и Есенина, и Маяковского – таких разных. Это сочетание казалось всегда ошарашивающей чертой стихов Леонида Губанова. Но было в них и иное: презрение к логике (всё же существующей в поэзии) и выход его поэзии благодаря этим качествам на уровень «поэзии безумия», точнее, «поэзии священного безумия», как это определяли древние. Да, это был и авангард, и есенинская надрывность, и «священное безумие», и потайной смысл... (...)

Губанов был чудовищно талантлив, недаром есть мнение, что он – лучший русский поэт второй половины XX века. Его поэзия абсолютно самобытна и неповторима. Он первичен. Он создал собственный уникальный поэтический мир.

Юрий КУБЛАНОВСКИЙ. На свету и в темнотах лирической самобытности («Новый Мир». 2004. №1)

(...) Юный Губанов был неутомимый излучатель поэтической энергии. Помню, начинаешь подкисать, подсыхать, не пишется, на душе остылость, а встретишься с Леонидом – и обязательно подзарядишься его неукротимой динамикой. Однако, слушая его, им заражаясь и попадая в его затягивающую орбиту, я, помню, все же старался не отдаваться его чтению полностью, как какому-нибудь шаманству или камланию, но вживаться в губановскую образную систему, близкую, пожалуй, разом и Хлебникову, и есенинскому имажинизму. (...) «Скоро, одиночеством запятнанный, / Я уйду от мерок и морок / Слушать зарифмованными пятками / Тихие трагедии дорог». 1963 год на дворе – кто бы тогда так написал? Только семнадцатилетний Губанов.

...После выхода книги Леонида Губанова нашлись новейшие литературные прокуроры, поспешившие вздохнуть чуть ли не с облегчением: дескать, лопнул, наконец, и без того зажившийся миф о Леониде Губанове. Подавай им что-нибудь эдакое, пусть и с матерком, но выверенное рефлексией и культурным расчетом. Губанов для них – варвар: слишком дик, самобытен, и текст у него сырой. Это правда. Но правда и то, что его «путаница» – процитируем... Г. Иванова – «вдруг «как-то», «почему-то» озаряется «непостижимым умом» райским светом. <...> Этому никакой ученик не может научиться и никакой мастер не может научить. Да, таким был для нас Блок и никогда не был, никогда не будет Ходасевич».

Дмитрий ЧЁРНЫЙ. Познав другую благодать. (Литературная Россия. 19.03. 2010..)

Из «СМОГа», как из гоголевской шинели, вышли в нашу современную литературу Саша Соколов, Владимир Алейников, Юрий Кублановский. Но все, как главарь-бунтарь, возглавлял Леонид Губанов – не будь его бешено прорывающегося из юношеского нутра таланта, не было бы и «СМОГа». Юрий Мамлеев в предисловии к книге находил в Губанове, славу богу, не только «неприязнь к коммунистичес-

кому бытию», но и пересечение таких литературных векторов, как Есенин и Маяковский. Кстати, это же было и в характере поэта: бунтарская бескомпромиссность Маяковского плюс есенинская лиричность, тяга к корням и деревенскому дому, но жизнь городского повесы. Знаменит эпизод драки Губанова с Лимоновым, недолго пребывавшем в «СМОГе». (За то, что Лимонов разбил на пьяной литературной вечеринке о голову Губанова бутылку, Леонид потом, при встрече в метро, «насовал» будущему эмигранту, Лимонов даже не сопротивлялся.)

Интересно, как сложилась бы литературная судьба Губанова, если бы он уехал, как Лимонов, за границу? Но такого быть, конечно, не могло: Губанов – поэт, вскормленный родной почвой, и оторваться от нее значило бы для него мгновенную литературную смерть. Это был поэт совсем другой судьбы: родиться, творить и умереть на родной земле.(...)

...Кто-то считает Губанова «реинкарнацией» Велимира Хлебникова: действительно, многие строфы их разительно схожи в ритмике, по бешеной образности и шаманскому звучанию.(...)

Губанов в своем поколении стал лучшим, ярчайшим продолжателем футуристической линии в русской литературе по «чувству слова». И всё это – сразу, стремительно, не выходя за порог двадцатилетия. Обычно после такого буйного начала приходит популярность или ссылка. И прецеденты были: после литвечеров «СМОГа» приезжала милиция, за поэтами следили, даже высылали из СССР, как смогиста Вадима Делоне, который после выхода на Красную площадь в дни «пражской весны» просто спился в «парижской ссылке». Но сам-то главарь-бунтарь? Парадоксально: Губанов – прорезавший атмосферу лицемерной политкорректности «эстрадников» своим искренним высоким голосом, мгновенно затмивший их своим талантом – попал не в ссылку и не на пьедестал. Он попал в пустоту.

Владимир АЛЕЙНИКОВ. Имя времени (НЛЮ. 1998. № 29).

(...) Губанов начал рано и блистательно. Большой талант его был очевиден для всех. Стихи его прекрасно вос-

принимались с голоса. А читал он охотно, много, везде. В течение года литературная Москва была им покорена. Можно сказать, это русский вариант Рембо.(...)

МАНИФЕСТ СМОГа

МЫ СМОГ!

МЫ!

Наконец нам удалось заговорить о себе в полный голос, не боясь за свои голосовые связки.

МЫ!

Вот уже восемь месяцев вся Россия смотрит на нас, ждёт от нас...

Чего она ждёт?

Что можем сказать ей мы, несколько десятков молодых людей, объединённых в Самое Молодое Общество Гениев – СМОГ?

Что?

Много. И мало. Всё и ничего.

Мы можем выплеснуть душу в жирные физиономии «советских писателей». Но зачем? Что они поймут?

Наша душа нужна народу, нашему великому и необычайному русскому народу. А душа болит. Трудно больной ей биться в стенах камеры тела. Выпустить её пора.

Пора, мой друг, пора!

МЫ!

Нас мало и очень много. Но мы – это новый росток грядущего, взошедший на благодатной почве.

Мы, поэты и художники, писатели и скульпторы, возрождаем и продолжаем традиции нашего бессмертного искусства. Рублёв и Баян, Радищев и Достоевский, Цветаева и Пастернак, Бердяев и Тарсис влились в наши жилы, как свежая кровь, как живая вода.

И мы не посраим наших учителей, докажем, что мы достойны их. Сейчас мы отчаянно боремся против всех: от комсомола до обывателей, от чекистов до мешан, от бездарности до невежества – все против нас.

Но наш народ за нас, с нами!

Мы обращаемся к свободному миру, не раз показавшему своё подлинное лицо по отношению к русскому искусству: помогите нам, не дайте задавить грубым сапогом молодые побеги.

Помните, что в России есть мы.

Россия, XX век

© Периодическое издание «Ассоциации литераторов - АБГ» и лито «МОЛОТ О.К.» (Тбилиси, Грузия) <http://abg-molotok.ge>
Эл.почта: abgl@yandex.ru

Издаётся на средства редколлегии

Редколлегия мнение не всегда с публикуемых авторов мнением совпадает, чувствуя я. Читатель, да пребудет с тобой сила!

Редакционная коллегия:

Сусанна Армянян,
Ада Джилавдарова,
Анна Шахназарова,
Дмитрий Лоскутов,
Михаил Ляшенко.

Рукописи не горят, не возвращаются и не комментируются. При перепечатке материала ссылка на данное издание обязательна.